

18+

Александр
Мирлюнди

**Минотавры
за кулисами**

Александр Мирлюнди
Минотавры за кулисами

«Издательские решения»

Мирлюнди А.

Минотавры за кулисами / А. Мирлюнди — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984648-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Герои этой книги — актеры. Но речь пойдет не о так называемых «медийных» представителях данной профессии, а о не менее талантливых, но сосредоточенных по большей степени в стенах своего «родного дома» — в стенах театра... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-984648-8

© Мирлюнди А.
© Издательские решения

Содержание

МИНОТАВРЫ ЗА КУЛИСАМИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Минотавры за кулисами

Александр Мирлюнди

© Александр Мирлюнди, 2020

ISBN 978-5-4498-4648-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИНОТАВРЫ ЗА КУЛИСАМИ

1.

Введенское кладбище, оно же Немецкое, было нарядно и торжественно. Хотя, конечно, немного дико применить прилагательное «нарядное» к кладбищу. Нарядной называют невесту. Нарядной называют Рождественскую новогоднюю ёлку, или дочку в костюме Снежинки возле этой самой ёлки. Назвать нарядным кладбище вряд ли кто додумается. Но Введенское кладбище в тот день середины октября казалось Генриху нарядным, потрясающим, прекрасным и волшебным. Ему казалось, что какая-то река из листьев вышла из берегов и затопила листьями кладбище. Генрих вспоминал, вычитал ли он эту поэтическую ассоциацию у кого-то из классиков, или она родилась у него сама по себе, и в итоге пришел к мнению, что родилась сама. Листья лежали на главной аллее, на могилах, между могилами, у подножия старинных склепов, на самих склепах, прилипали к оградкам и лицам памятников. Генрих с Ирой делились ассоциациями: флаги Испании и Каталонии, попугаи с далеких Гавай, светофор с неработающим нижним глазом и даже огромное золотистое кимоно с бордовым драконом, разорванное на мелкие кусочки и рассыпанное на захоронения. В гастарбайтере с родимым пятном на лице, вяло сметающем листву в небольшие кучки, чтоб потом рассовать ее в некрасивые темно-серые мешки, Генрих видел варвара и вандала, обливающим кислотой картину Рембрандта. Ира шла рядом с Генрихом с густым желто-алом, словно платье Беатриче, венком из листьев на голове. Другой венок, для Генриха, она плела, легким движением руки подбирая на ходу с аллеи пылающие дары осени. Было спокойно и возвышенно, и каждый человек, лежащий в земле под крестом или надгробием, был в эти минуты для Генриха близким родственником...

Внезапно две птички, названия которых Генрих не знал, так как это были не воробьи, не вороны и точно не снегири, вспорхнули и полетели вглубь аллеи. Почти не сговариваясь, лишь мельком чуть взглянув друг на друга с озорной нежностью, Анри с Ирой, взявшись за руки, побежали вслед за птицами. Они чувствовали друг друга без слов и сами казались себе в эти минуты птицами, и сравнение это казалось им не банальным и пошлым, а очень точным и правильным. Возле склепа Эрлангеров Генрих, не останавливаясь, на ходу, схватил обеими руками Ирину за запястья и в том же порыве радости и полета, стал кружить, кружить, кружить её... И казалось, все вокруг вертелось, все вокруг кружилось в этих дивных огненно-бордовых цветах, казалось, все вокруг оживает, просыпается и поет, воспевая жизнь, и песни эти ласкали слух и были так прекрасны, что, казалось, улетали в небо, призывая к всеобщему воскрешению. Казалось, что мертвые, услышав в могилах эти песни, откроют глаза и, разрывая сильными руками, вновь обросшими плотью, землю над собой, ломая гнилые доски гробов, разбивая надгробные плиты и опрокидывая памятники, вылезут из могил и начнут подпевать этим песням своими вновь приобретенными жизнь голосами.

Странно, ведь воскресение ассоциируется в первую очередь с весной, так как связано с Пасхой. Но иногда кажется, чувствуется, что такая осень – подготовка перед праздником. Как невеста, примеривающая накануне свадьбы венчальное платье, перед тем, как заснуть красивым глубоким сном в ожидании Таинства. Но все эти ассоциации, конечно, ни к чему. Да и не совсем это сон какой – то там невесты... Это немного другой сон!

Через некоторое время (как долго они кружились, они не могли понять), полет становился все медленнее и медленнее, и вот Ирина плавно встала на ноги. Они смотрели друг другу в глаза, ловили и слушали дыхание друг друга, участившееся после кружения, и молчали. Время от времени кто-то из них резко вдыхал воздух, чуть приоткрыв рот, словно намереваясь что-то сказать, но тут же, чуть улыбнувшись, останавливался, не решаясь прервать это волшебное молчание. Медленно, словно корону, двумя руками Ира возложила на голову Генриха венок из листьев, который она до сих не выпускала. Так и стояли посередине аллеи в золоти-

стых, похожих на нимбы, венках, смешные, чуть нелепые и возвышенные, и улыбались друг другу полной детской улыбкой. Затем закрыли глаза... Внезапно Ира вскинула руки кверху и, потянувшись, сладко зевнув, потерла глаза, подняла их и резко отпрянула назад.

– О, что за ангел пробудил меня

Среди цветов? – словно первый раз увидев Анри, удивленно и мелодично произнесла Ира.

Генрих закинул голову, затрясся своим худым и длинным телом, засмеялся и запел придурочным тенорком.

– Щегленок, зяблик, воробей,

Кукушка с песней своей,

Которой человек в ответ

Сказать не часто смеет: нет!

Генрих стал как-то по звериному обнюхивать Ирино лицо. Обнюхивать ее щеки, нос, глаза, губы. Обнюхивать и фырчать. Ира чувственно и глубоко дышала. Ее губы страстно подрагивали.

– Да и правда: кто станет спорить с такой птицей? – почти выкрикнул Генрих в лицо Иры, которое все ближе и ближе приближалось к его лицу. Генрих быстро-быстро замотал головой от негодования и завизжал-заблеял: -Кто ей ска-а-ажет, что она врë-ë-ë-ёт, сколько бы она ни кричала свое « кууууу-кууууу»?

Редкие посетители кладбища, проходя мимо, вздрагивали от какой-то прямо – таки лошадиной интонации Генриха, обходили парочку стороной, интуитивно ускоряя шаг, и через каждые пару секунд оглядывались. А после того, как Ирина с возбужденным криком бросилась на шею Генриху и впиалась своими губами в его губы, прохожие переходили на среднюю рысь. Одни из них видели в Анри и Ире психически больных людей, другие – несчастных, потерявших близких, со временно помутненным от горя рассудком. Третьи видели просто обычных придурков...

– Прошу, прекрасный смертный, спой еще!

Твой голос мне чарует слух, твой образ

Пленяет взор, – горячо шептали Ирины губы, покрывая лицо и шею Генриха, страстными, тяжелыми поцелуями, после которых долго остаются лиловые и бордовые подтеки. Она расстегнула ему куртку, затем рубашку и стала гладить и ласкать бледную веснушчатую генриховскую грудь.

– Достоинства твои

Меня невольно вынуждают сразу

Сказать, поклясться, что тебя люблю я! – почти прокричала в изнеможении Ира.

Поняв, что они зашли чересчур далеко, и увидев подходящих к ним невдалеке испуганных бабушку с маленьким мальчиком и с охаживаемой гвоздик, Генрих схватил Иру за рукав и потащил ее за склеп.

– По- моему, сударыня, у вас для этого не очень- то много резону. -Говорил Генрих на ходу. -А впрочем, правду говоря, любовь с рассудком редко живут в ладу в наше время, – разве какие-нибудь добрые соседи возьмутся помирить их. Что? Разве я не умею пошутить при случае? – на этих словах Анри затащил Иру за склеп и принялся бурно щекотать и тискать ее обеими руками под кофточкой за бока и живот.

– Ты так же мудр, как и хорош собой! -сдавливая хохот и шутиливо отбиваясь от атак Генриха, просмеялась Ирина.

– Ну, это, положим, преувеличение. -Генрих прекратил тисканье, достал тонкий фломастер, нашел пустое место на стене склепа, покрытый надписями, и начал что-то выводить на ней, одновременно доканчивая фразу. -Но будь у меня достаточно смекалки, чтобы выбраться из этого леса, – вот бы с меня и хватило.

Ира обняла Генриха за талию, прижалась к нему всем телом, и, внимательно наблюдая за действиями генриховской руки с фломастером, продолжала. – Покинуть лес!.. Не думай и пытайся.

Желай иль нет – ты должен здесь остаться.

Могуществом я высшая из фей.

Весна всегда царит в стране моей.

Тебя люблю я. Следуй же за мной!

К тебе приставлю эльфов легкий рой,

Чтоб жемчуг доставать тебе со дна,

Баюкать средь цветов во время сна.

Я изменю твой грубый смертный прах;

Как эльф витать ты будешь в облаках.

К концу монолога Ирина уже проговаривала Шекспира спокойно, без лишних наигрышей и шуточек, с каким-то искренним детским трепетом, нежно потирая кончиком носа генриховский затылок, и радостно звонко закончила.-

Скорей ко мне, Горчичное Зерно,

Горошек, Паутинка, Мотылек!

Четыре птицы вспорхнули из куста, словно эльфы, и залетали, завертелись кругом над головами влюбленных, о чем-то переговариваясь между собой. Генрих и Ирина долго смотрели на них, закинув головы. И Генрих опять сожалел, что не знает, что это за птицы. И он подумал, что, может, это щегленок, зяблик, кукушка и еще кто-то...

– Думаешь, поможет? – тихо и иронично спросила Ирина про сделанную Генрихом надпись на склепе, все сильнее прижимая его к себе, и начиная тихонько раскачиваться из стороны в сторону.

– Не знаю. Посмотрим. -задумчиво ответил Генрих, повинувшись ее темпу, и раскачиваясь чуть сильнее. Затем мягко повернулся, подняв руку, помогая сделать оборот Ирине вокруг оси. Элегантно сошел со ступенек, помогая сойти своей даме сердца. Внизу одновременно шелкнул каблуками и поклонился головой, ударив слегка грудь подбородком. Она положила одну руку на плечо ему, другой стала придерживать воображаемую полу юбки. Он положил одну руку ей на талию, другую – на самый низ своей спины, сжав кулак, перпендикулярно позвоночнику...

Казалось, что спрятанный в кустах оркестр, повинувшись взмаху палочки Штрауса, запел всеми инструментами, и... Медленно, красиво и изящно Ирина с Генрихом завальсировали от центральной аллеи по покрытой листьями дорожке вниз, в сторону «Острова Мертвых»...

2.

Когда, будучи студентом, Генрих изучал городскую театральную афишу, взгляд его на театре им. Мочалова не останавливался. Он даже не доходил до этой строки в нижней части таблицы – афише. Генрих любил то, что повыше. Но потом, в конце четвертого курса, во время показов, когда он впервые подошел к небольшому красивому зданию рядом с Яузой, в бывшей Немецкой слободе, был искренне удивлен.

Когда-то здесь был местечковый театр московских немцев. Играли, очевидно, на немецком языке. Небольшая, но очень уютная сцена. Партерчик с бельэтажем мест на 150. Деревянные колонны и маленькие ложи. Второй ярус мест на семьдесят. И третий на пятьдесят. Этакий вертикальный зал. Пахло какой-то музейной тайной, которая притягивала Анри и манила. После генриховского одиночного отрывка-монолога из "Сна смешного человека" раздались аплодисменты. Алина Петровна, эксцентричный рыжеволосый худрук, попросила Генриха остаться. Остальным сказала спасибо...

Вечером Анри уже пил пиво с будущими коллегами. И водку тоже. Именно тогда новый знакомый, артист Сугробов, и назвал его первый раз Анри. И это прозвище приклеилось.

В конце июня, уже после того, как Генрих получил диплом в училище с несколькими тройками, в театре было закрытие сезона. После жесткой речи худрука о том, что в театре невысокая духовная жизнь, и последующей за речью веселым банкетом с красным вином и бутербродами, Генриха представили как нового артиста. По традиции театра имени Павла Степановича Мочалова, новый артист должен был поделиться с новыми коллегами тайной. Точнее, ТАЙНОЙ. ТАЙНОЙ, о которой он никогда не говорил, и ни с кем не делился... Генриха вытащили на сцену, посадили на одинокий стул. Зачем-то расставили вокруг него зажженные свечи, выключили дежурку, оставили один небольшой прожектор. Худрук и артисты расселись в зале возле сцены. Генрих сидел на стуле в полукруге свечей, на фоне портрета великого трагика Мочалова, который почти не был виден, и не знал что говорить. Но вино потихоньку развязало ему язык...

Когда Генриху было шесть лет, он пытался открыть новый цвет. Все в нем возмущалось, что в мире только красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. И их оттенки. Ну еще черный с белым. Да и то, мама сказала, что это не совсем цвета... Час от часу не легче... Ну должны же быть еще какие-то цвета кроме этих! Какой-нибудь вававый, молый, стугый и берловый!!! Казалось, что если оттянуть пленку известного цвета, то там будет таинство! Цвет, который никто никогда не видел! Но как?! Как это сделать?! Каким образом увидеть этот никому в мире неизвестный цвет? На этот вопрос Генрих не мог дать ответа... Но он знал! Он точно знал, что этот цвет, эти цвета существуют. Он был уверен в этом. Он брал фломастеры и часами малевал ими, пытаясь найти этот новый цвет. Получалось в основном что-то типа грязного хаки... Затем он загадывал, что если подойдет в такое-то время на такой-то пустырь, где валяется ржавый лист железа, и поднимет его быстро-быстро, то в первые доли секунды он увидит этот потрясающий, необычный, никому не ведомый цвет. Или если пойдет в парк и быстро поднимет кленовый лист. Обязательно красный. Или быстро включит свет в ванной и тут-же заглянет в неё. Но под листом железа он видел стремительно убегающего кородея, личинки муравьев и белёсую траву, лишённую фотосинтеза. Под кленовым листом он в лучшем случае видел другой кленовый лист. В ванной он видел ванную... Неизвестного цвета нигде не было... Тогда Генрих крепко – крепко зажмурился, и пытался представить этот ускользящий от мира цвет. В темноте он видел какие – то расплывающиеся круги и другие геометрические фигуры. Иногда он вскрикивал, подпрыгивал, и бил в ладоши. Ему казалось, что он увидел невиданный до сего мгновения цвет, но потом с ужасом понимал, что это какие-то оттенки зеленого, желтого, голубого...

Но должны же быть эти цвета! Должны! Часто Генрих сжимал зубы, чтобы не заплакать. Должны! Своей тайной Генрих ни с кем не делился. Он боялся даже и подумать, что кто-то тоже начнет искать никому неизвестный цвет. Более того, найдет его раньше Генриха. Он думал о новом цвете почти всегда. В детском саду, играя в песочнице, дома, в гостях у бабушки и даже в туалете. Он думал о нем в пионерском лагере. Думал в кинотеатре. Думал в театре. Думал на представлении театра кошек. Думал и вглядывался-вдруг в кино будет кто одет в неизвестный цвет? Или в театре кто-то кому-то передаст интересную вещь именно того цвета, который он ищет? Или вдруг у кошки необычный оттенок, через который можно все-таки выйти на неизвестный цвет? Даже не то что думал о нем. Что о нем думать? Так, мечтал о встрече... Но везде его преследовало фиаско...

Была ночь. Генрих открыл глаза оттого, что сосед по палате, мальчик на годик младше, лежащий в перпендикулярно стоящей кровати, что – то шептал. Генрих прислушался...

– Лисица, лисица... соловей... лисица... Лисица, лисица... соловей... лисица..., – медленно, причмокивая, горячо шептал мальчик. Затем опять: – Лисица, лисица... соловей... лисица...

Именно так: сначала быстро два раза «лисица», потом пауза, после нее «соловей», затем после совсем маленькой паузы еще одна «лисица».

«Может, нянечку позвать? Лекарство чтоб дала?», - подумал Генрих, но почему-то не стал этого делать. Да и мальчик вскоре затих.

Генрих закрыл глаза, засыпая, и тут... он увидел цвет, который никогда не видел! Это было так спокойно и торжественно, что Генрих даже не обрадовался, не удивился, и не восторжествовал. Он воспринял это как должное. Цвет был... не то что прекрасен, он был абсолютно естественен, как естественен синий, желтый или красный. Генрих даже удивился, почему он не представил его себе раньше. Более того, Генриху показалось, что цвет ему знаком, и он уже видел его когда-то давно-давно... Затем этот цвет сменил другой, такой же естественный и удивительный, затем ещё один... и ещё... и ещё...

Когда Генрих проснулся, санитары перекладывали мальчика-соседа с кровати на железную каталку. Глаза у мальчика были закрыты, а рот смешно приоткрыт и сдвинут в сторону, как – будто мальчик скорчил рожу. В конце больничного коридора доносился плач и вскрикивания.

Мальчика увезли, крики в конце коридора прекратились, а днем пришел врач, и долго осматривал Генриха, после чего сказал, что видит так называемые «значительные улучшения». Через день Генриха выписали.

Вот этой тайной и поделился тогда Генрих худруку и будущим коллегам, сидя на сцене, окруженный горящими свечами. После того, как он закончил, стояла полная тишина. Было слышно, как время от времени потрескивает та или иная свечка. Алёна Петровна встала и медленно прошла между первым рядом и сценой.

– Цвета эти помнишь? -она резко подняла голову, тряхнув рыжей копной волос.

– Конечно, помню!

– Опиши хоть один!

– Как-же я вам его опишу?! – растерялся Генрих, -Его и сравнить не с чем... В природе нашей такого цвета нет...

– Пиздишь ты, судя по всему, Генрих, ох как пиздишь... – задумчиво и медленно произнесла Алёна Петровна.– Тебя, кстати, в честь кого Генрихом назвали?

– В честь Карла Девятого...

– Чего???

– Ну, мама беременная читала " Хроники времён Карла Девятого»... Генриха Манна...

– Аааа... Так бы и сказал...

3.

Все было по приколу. И помпезное огромное здание театра сталинской архитектуры. И статуи женщин в туниках. И высокие потолки, поддерживаемые колоннами. И широченные мраморные лестницы. И бордовые стены с черно-белыми фотопортретами артистов.

А вот и этого народного фотография, к которому они якобы поступают. Говорят, сидит в приемной аудитории. Шерри сдавливал хохот, но время от времени ржал как дурак, быстро сдавливая двумя ладонями рот.

«Вот, прикол-то, бля! Вот прикол!» - все время приговаривал он, давясь смешками.

У них попросили паспорта. Да вот они! В матерчатых нагрудных ксивниках со знаком *rasific*, вышитым крупным бисером.

Странные лоховатые и мажорные мальчики и девочки окружали их. Большинство из них что-то повторяли, повернувшись к углу и глядя в пустоту, и были похожи или на каких-то забитых овец, или на псевдоразвязных фальшивых героев из плохих фильмов.

«Артисты, ёптить, будущие таланты!», – толи презрительно, толи с состраданием подумала Ира.

Сначала она сравнила здание театра с большим жутким животным, но немного побродив по коридорам и фойе, ей почему-то стало нравиться находиться внутри этого животного. Она вспомнила, что была когда-то в детстве в этом театре, смотрела какую-то сказку, не пойми какую, и здание, наложившись на какие-то теплые воспоминания детства, показалось Ире даже каким-то родным.

Ой! Что это?! Называют фамилии, среди которых ее фамилия, фамилия Шерри...

Какая-то женщина неопределенных лет повела их с несколькими ребятами по узким лестницам, закоулочкам, в которых стояли люди и курили. Потом через небольшой полутемный коридор вывели в просторную комнату с малюсенькой сценой и круглыми окошками под самым потолком. Напротив сцены на подставных стульях за длинным столом сидело несколько человек. По центру – тот самый народный мастер сцены, портрет которого Ира разглядывала в фойе и набиравший молодежный курс при театре. Им учтиво предложили сесть. Будущий хударк курса устало и беззастенчиво рассматривал вновь прибывшую пятерку и доброжелательно улыбался.

– Ну-у-ус, господа-а, с кого начне-емс?! – по-барски протянул он красивым поставленным высоким голосом.

Шерри по-дебильному хохотнул.

– Я-я вижу-у, вы-ы, молодо-ой человек, гото-овы как ни кто-о другой? – медленно, с расстановкой, сказал чуть покачивающийся на стуле маститый артист и еще больше улыбнулся.

Снова хохотнув, Шерри своими журавлиными ногами, обтянутыми джинсами с сильно расклешенным, почти на полметра, низом, сделав несколько шагов, оказался напротив стола и стоял, дергая кадыком, сдавливая смех, и смотрел, широко открыв в улыбке большой рот, на пожилого маэстро театральных подмостков. Он чем-то напоминал Трубадура из мультфильма про бременских музыкантов. Высокий, стройный, в расстегнутой на груди белой рубашке, с пухлыми губами, с неправдоподобным романтизмом в глазах... Только с волосами до середины спины, с юными усами и с бородой. Жидкими, как у китайца.

Шерри трясло от непонятной радости. Очевидно, его радость почувствовал и народный артист, который глядя на Шерри, похожего на возбужденного щенка с виляющим несуществующим хвостиком, тихо засмеялся, положив ручку на стол, и чуть отвернул голову. В ответ Шерри громко, горлово гоготнул. Народный не сдержался и засмеялся еще сильнее.

– Гы-ы- гы-гыы!!!! – вырывалось из глотки Шерри. В смехе он обнажал подергивающиеся от избытка впечатлений и эмоций мясистые губы, показывая большие, сильные, в двух местах чуть растущие в разные стороны зубы, и был уже похож уже не на Трубадура и щенка, а на осла.

Ирине стало первый раз в жизни почему-то неудобно за Шерри. Она расстроилась за то, что он предложил этот прикол с поступлением.

Народный громко и мощно засмеялся в полный голос. Через мгновения они уже оба не то что смеялись, а кричали смехом, глядя друг на друга. Народный даже очки снял, чтобы они не соскочили с его дергающегося от хохота большого носа.

Педагоги не знали, как себя вести. Они переглядывались, и натягивали слабые улыбки.

– Восхитительно! Восхитительно! Ой, молодец! – через минуту, не до конца рассмеявшись, произнес Народный дрожащим от смеха голосом. Затем вытер платочком глаза и надел очки.– До слез старика довел! Ну, браво! Садись!

Шерри с сияющим солнечным лицом сел. Он был на седьмом небе от всего. Он подумал, что с таким стариком и анаша не нужна.

– Ну-ус, а теперь подруга, как я понимаю?! – Народный радостно посмотрел на Иру, очевидно, предполагая продолжение праздника.

Ирина на ватных ногах вышла, сжимая гриф гитары внезапно покрытой потом ладошкой, и судорожно думала, что она сейчас будет читать. Там ведь читать надо. И петь. А может, еще и сплясать попросят... Она подумала, что здорово остановить бы время, чтобы подготовится хоть как-нибудь...

– Для начала Янка Дягилева! – с фальшивой бодростью заявила Ира.

– Для начала, дорогая, поднимите платье и покажите ваши ноги! – осек «абитуэнтку» Народный.

– Чего???!!!

– Чего-чего?! Платье поднимите и дайте мне, старику, полюбоваться вашими ногами! – Народный говорил с такой спокойной убедительной настойчивостью, что Ирина не раздумывая положила гитару на пол, и подняла полы платья из мешковины.

Шерри снова затрясло от смеха и от радости жизни. Корчась на стуле и снова сдерживая смех, он показал Народному кулак с поднятым кверху пальцем. Мол, молодец, дед! Уважаю!

Народный мельком улыбнулся Шерри, быстро подняв и опустив руку с открытой ладонью, типа, я оценил, дружище, что ты рад тому, что я рассматриваю ноги твоей барышни.

– Хорошо! Опустите платье! – как-то впроброс, по-медицински поблагодарил Народный.– Что там у вас?

Никогда еще Ирина не пела любимую Янку Дягилеву так зажато и нелепо.

– А мы пойдем с тобой погуляем по тгхамва-айным гхельсам!

Посидим на тгхубах у начала кольцевой догхоги!

То, что дружки называли «идеальным парижским акцентом», гулко раздавалось под потолком обычным, чуть комичным картавьем.

От «Джефферсон Айрплан» Народный почему-то отказался, попросил отложить гитару и почитать стихи. Ира нарочно долго откладывала гитару (зачем-то в дальний угол), судорожно повторяя Ахматову.

– Пгхотегтый ковгхик под иконой,

В пгхохладной комнате темно, -громко с выражением, как и на том школьном поэтическом вечере, стала выводить Ира, но Народный быстро остановил ее.

– Вы вообще не понимаете, что вы читаете! Вы колбасу на рынке рекламируете, вот что вы делаете! Как вас зовут? Ирина? Иришенька, ну представьте, вечер, лампадка под иконой, вы стоите под этой иконкой, ну, представьте, представьте! Не волнуйтесь, начните, когда будете готовы, мы подождем!

Ирина постояла, стараясь представить себя под иконкой, и... Как-то спокойно, очень тихо начала... И иконку представила и лампадку, а «от роз струится запах сладкий» даже не представила-почувствовала! Когда был «твой профиль тонок и жесток», горло свело спазмом. Ира сжала кулаки, чтобы не расплакаться, и так, со сжатыми кулаками и комом в горле оканчивала. Голос понизился, стал каким-то грудным, даже благородно-грубоватым.

Как бы не расплакаться, думала Ира, все сильнее сжимая кулаки. Вот она наконец! Последняя строчка! Все! И сразу после точки слезы, как их не старалась Ира сдержать, хлынули, моментально увлажнив щеки, и стали капать с подбородка. Ирина отвернулась, судорожно вытирая лицо. Посмотрела на Шерри. Тот с глупой улыбкой смотрел на нее, ничего не понимая. «Дурак!» -почему-то подумала Ира.

– Ну вот! – раздался за спиной радостный возглас Народного, -Можете ведь, когда сможете! Что из прозы у вас?

– А прозы нет! -честно призналась Ира, разворачиваясь и шмыгая носом.

– Это как это нет?! -возмутился Народный. – А что есть?

– «Кадиш»..., -пролепетала горе-поступающая.

– Господи, помилуй! – Народного аж передернуло от испуга.– По кому кадиш?!

– Ну «Кадиш»...Алена Гинсберга....Кусочек... -растерялась Ира.

– Нет, «Кадиш» не надо! Тем более кусочек! Это очень серьезная литература, боюсь, мы ее не осилим! -очень серьезно, но с веселинками в глазах сказал Народный и вздохнул. – Ну ладно, садитесь. Следующий!

Следующей была невысокая девушка с могучими не по годам грудями и короткими ногами. Такими короткими, что Народный даже не попросил ее поднять юбку. (Впрочем, и лифчик не просил расстегнуть, заметила ехидно Ирина).

Коротконогая быстро-быстро скороговоркой проговорила про «драмкружок, кружок по фото, а еще мне петь охота». Педагоги смеялись и кивали головами. Потом коротконогая торжественно подняла руки вверх и противно завопила: «Почему люди не летают?!». Смеялись намного больше. Потом читала басню.

«Талантливая, сука!» -абсолютно без зависти, с улыбкой думала Ирина, глядя, как коротконогая как бешеная мечется, изображая пьяного Зайца, который грозился стереть с лица земли некоего Льва.

Ирине хотелось плакать. Ирина хотелось рыдать. И находиться вечно в этой аудитории, которая теперь ей казалась едва ли не центром мироздания. Находиться вечно и вечно читать стихотворение Ахматовой, представляя иконку с лампадкой, и себя, стоящей перед ними в темной комнате... Больше всего на свете ей хотелось, чтобы сейчас было хотя бы семь дней назад, и она бы знала о приеме на актерский и стала бы готовиться. Но сейчас было не семь дней назад. Сейчас было сейчас...

Потом читал мальчик в синем костюме, который обиженно спросил, «почему его не спрашивают о его эстетических вкусах», и довольно взрослая девушка. Народный их внимательно слушал, время от времени останавливая, и просил прочитать так или иначе.

Ирина никого не слушала, грустно смотрела на маленькое круглое окошко под потолком, из которого били солнечные лучи, не обращая внимания на шепот Шерри, что «уже пора», и даже не заметила, как всех попросили выйти. Пришла в себя только в коридоре, когда всех попросили подождать...

Шерри тянул ее за рукав, говорил, что пора-пора. Пора – пора. Пора-пора. Пора-пора-пора. В его голове уже стучали тактом вагоны. Из аудитории доносился какой-то спор. Выделялся голос Народного. Он что-то даже не доказывал, а жестко утверждал.

Шерри положил ей руку на плечо. Ира сбросила руку и раздраженно шикнула. Шерри ослабилась и похлопал ее по попе. При других абитуриентах.

«Полный мудака!» – снова подумала Ира.

Раньше это ее не смущало. Более того, она даже очень сильно любила прилюдно ласкаться с Шерри, обнимаясь с ним и позволяя его рукам познавать всю географию своего тела, целоваться с ним в засос с хлюпаньем в переполненном транспорте, но сейчас это похлопывание по пятой точке вызывало почему-то смущение и, более того, злобное раздражение...

Раскрылась дверь. Та же женщина, что и привела их, сказала Шерри, мальчику в костюме и взрослой девушке «спасибо», а коротконогую и Ирину попросила зайти...

И Ирину...

И Ирину?

И Ирину?!

Да!!! И Ирину!!!!!!!

Сначала Народный хвалил коротконогую, дал пару советов, и спросил, как себя чувствуют мама с папой. Коротконогая бойко отвечала, шутила и даже рассказала эпизод из жизни мамы с папой, отчего вся приемная комиссия вместе с Народным рассмеялись. Народный сказал коротконогой, что с нетерпением ждет ее на конкурсе, пожелал хорошего дня, передал привет маме с папой и отправил восвояси.

С Ириной Народный говорил без улыбки. Основательно и жестко. Даже очень жестко.

Народный сказал, что надо хоть как-то готовиться перед поступлением, хотя бы для приличия перед комиссией. Что стыдно приходить в хламиде и босоножках в театр, и, более того, приводить с собой в театр разных сумасшедших.

(Тут Ира поняла, что это Народный говорит про Шерри, но почему-то не обиделась, а даже подумала, что Народный, в общем-то, прав...)

Было непонятно, понимает ли Народный, что Ира появилась на прослушивание случайно, но более жестокой речи, главным образом, по интонации, по отношению к себе она никогда не слышала...

Окончательно растерзав Ирину и, очевидно, получив от этого некоторое моральное удовлетворение, Народный мягко откинулся на спинку стула и, помолчав, сказал спокойным голосом, как-бы невзначай, что, в общем-то, у Иры есть все, чтобы стать актрисой и что он готов снова ее послушать. Если только Ира соизволит прийти в «человеческой одежде» и более-менее подготовится.

– Ахматову оставьте, и возьмите, пожалуй... «А зори здесь тихие...», место про Лизу Бричкину. По-моему, это ваше!, – немного вальяжно проговорил Народный и добавил. – И не стесняйтесь картавости. Дело наживное. Я в ваши годы 43 буквы алфавита не выговаривал. Буква «Р», конечно, грозна, но мы грознее!

Народный подмигнул Ирине и улыбнулся.

Ирине показалось, что вместе с Народным ей улыбнулся Ангел.

И Ирина улыбнулась в ответ.

Бывает так, что над человеком сгущаются тучи. Кажется, судьба и природа просят его, чтобы он как-то изменился, повернул в другую сторону. А человек этого не делает. И по-разному можно относиться к этому человеку. Как к слабовольному или, наоборот, к сильновольному.

И бывает по-разному. Человек может оказаться дураком, что вовремя не повернул руль судьбы. Или стойком. Или окажется, что он правильно все делал... Гамлетовский вопрос, в общем.

А бывает так, что какая – то нелепая случайность, мелочь, попав под колесо телеги жизни, круто меняет ее направление, сворачивая на перекрестке в другую сторону. Хотя, как известно, случайностей не бывает. Тем более нелепых...

Так произошло и с Ириной, которая поддалась на уговоры Шерри и, чтобы убить время до поезда, пошла на поступление «ради прикола»... И чем дальше Ира отходила от театра в сторону вокзала, тем больше она понимала, что за шанс с театралкой надо хвататься руками и ногами, и все больше понимала, что ни в какую Находку она не поедет, и теперь думала, как сказать об этом Шерри. Если буквально несколько дней назад она мечтала об этой поездке в хипповский лагерь, считая дни до отъезда, то теперь, представив, что будет просыпаться каждое утро с голым, потным и похрапывающим Шерри под боком, а где-то здесь будет идти поступления без нее, Ирине стало как-то не по себе... Да и после слов Народного, что у ней «есть все, чтобы стать актрисой», мысли о дальнейшей судьбе с Шерри вводило Иру в уныние и какой-то неподдельный ужас... Ей хотелось броситься обратно в театр. Хотя бы для того, чтобы Народный ее заново отругал.

Выждав, когда до отхода поезда осталось несколько минут, и проводник попросил всех уезжающих зайти в вагон, Ира твердо сказала Шерри, что никуда не поедет, а останется, чтобы подготовиться поступать дальше. Сначала Шерри решил, что Ира шутит. Не понимал Трубадур, что в жизни Принцессы не всегда хотят оставаться с такими как он... Шерри стал истерить... Он говорил, что ей, ребенку цветов, нечего делать в этом поганом мажорном училище и что это позор, если Ира задумает променять настоящую жизнь в палаточном лагере с травой, волей, нудистским пляжем и музыкой на скучную жизнь в человеческой цивилизации,

более того, на попсовом и лоховском артистическом поприще. Приводил примеры, как люди, состригавшие длинные волосы, перестававшие тусоваться и уйдя из «системы», заводившие семьи и ходящие на работу каждый день, моментально становились ничтожными, гнусными и ни стоящими абсолютно никакого внимания.

Увидев, что уговоры не действуют, Трубадур психанул, сказал, что Ирина нужна этому «театральному старперу» только для того, чтобы тот «трахал ее своим обвислым членом», назвал Иру «гребанной уебищной цивилкой» и, когда поезд тронулся, схватил Иру за руку и пытался силой затащить ее в вагон, и если бы не провожающие, в буквальном смысле вырвавшие ее из лап оголтелого возлюбленного, не известно чем бы эта история закончилась. Может, Ира сбежала бы на первом полустанке, а может, прорыдав некоторое время, смирилась, поехала в лагерь и вспоминала бы этот эпизод своей жизни со смехом или с грустью. Но если бы да кабы...

В общем, Ирина стояла и смотрела на уходящий поезд, грустно глядя на Шерри, который, высунув голову из бокового окошка, что рядом с краником с кипятком, грозил ей кулаком и истошно выплёвывал изо рта вместе со слюной горячие нецензурные слова...

«Бля-я-я-ять!!!! Ёб твою ма-а-а-ать!!!!» – неслось над перроном и привокзальной площадью.

Ирина не понимала, это он ее обзывает, или просто ругается...

Платье было только одно. Черное и строгое. Купленное недорого на выпускной, который год назад Ира так и не удосужилась посетить, так как укатила с Шерри в Крым через всю Россию. Аттестат осенью получила, зайдя в школу. Думала, не пригодиться, а вот он, хороший, пригодился!

Мать, казалось, даже не удивилась, увидев дочь впервые за месяц. Кормила младшую сестренку, рожденную, так же как и Иру, неизвестно от кого, и уже вроде, кажется, успела неплохо опохмелиться.

Ирина примерила платье. За год пополнела, но более-менее влезла. Вспомнила, что у матери туфли были где-то на антресолях...

В общем, Ирина прошла на конкурс. Не сказать, что она так уж хорошо читала подсказанный Народным отрывок, но, представ перед комиссией в строгом черном платье, в немного старомодных туфлях, с косой, касающейся кончиком кобчика и без гитары, она произвела впечатление хотя бы сильным контрастом по сравнению с первым разом.

– Ну вот, хоть на женщину стали похожи! – искренне обрадовался Народный. – Перевоплотились как быстро! Сразу видно- актриса!

Ирина зарделась. Ирина была счастлива.

Несмотря на то, что комиссия не хотела зачислять Иру на курс, все решил один голос. Голос Народного. Он ударил ладонью по столу, и сказал, что это его курс, и он берет Иру!

И баста!

За неделю до начала учебы весь курс заставили мыть и драить по давней традиции театр, и ребята познакомились друг с другом. Коротконогая Настька, которая оказалась дочкой артистов ТЮЗа, собирала несколько раз курс в конце лета в своей большой квартире, благо родители были на даче.

Про любимую Ирину музыку будущие однокурсники говорили, что эта музыка очень хорошая, что с удовольствием слушали ее в девятом (восьмом, а то и в седьмом!) классе, забросав Ирину огромным количеством непонятных названий от классики до металла. Какие-то «Дэд Кеннедис», СиБиДжиБи, фри-джаз, Бенжамин Бриттен и «Сонь от Сони текла день от месяца». Эти ребята обсуждали метафизику латино-американской литературы, попивая водку, в спорах забывая закусить. Когда Ира пыталась вставить имена Керуака и Сьюзан Зонтаг, ей ответили, что в сущности они писали не так уж и плохо, но немного узколобо... Потом

говорили что-то про Бунюэля, Лорку и Дали. Последние два имени были Ире знакомы. Она даже, вроде, знала, кто это. Несколько человек едва не подрались, обсуждая, были ли у этих двоих половая связь или не было... В общем, гордой и высокомерной хипповской натуре Ирины эти эстеты, не похожие по прикиду и общению на неформалов, нанесли сокрушительные пробоины. Она поняла, что уже не она смотрит на них сверху вниз, а они относятся к ней с дружеской снисходительностью. На фоне этих продвинутых мажоров Ира казалась самой себе какой-то убогой провинциалкой. Золушкой без права на бал. А главное, коротконогая Настька, будущая лучшая подруга, полностью перепивала Иру в красном вине, в котором она в тусовке считалась докой, стаером, и даже марафонщицей. Настька, укладывала пьяненькую Иру в гостиной, накрывала пледом и приговаривала: «Не ссы, Ируха, то ли еще будет!».

И то ли еще было!

Уже к новому году, ходя по совету Народного по театру и улице с ложечкой, которой беспощадно била себя по десне, Ира стала довольно сносно, хоть и с подрыкиванием, выговаривать букву «р». На показе неодушевленных предметов она со своей Тлеющей Сигаретой была не особо интересна. Да и всех затмевал Чайник коротконогой Настьки, который кипятился и пыхтел. На животных Настька также всех сделала своим Хомяком. Зато на этюдах по органическому молчанию, стоя у кровати с несуществующим, воображаемым, но, увы, смертельно больным ребенком, Ирина заставила всех рыдать и забыть смешной этюд, где Настя, сидевшая на диете, рассматривала поваренную книгу, роняя слюну и облизываясь. Хотя с Настей Ире было нечего делить. Слишком разных они были амплуа.

Народный был с Ирой крайне суров и требовал от нее больше, чем от других. Но за глаза называл ее с любовью и гордостью «своим творением». На фоне интеллектуальных, с ленцой любящих поболтать об актерском мастерстве однокурсников, Ирина казалась амазонкой. Она не размышляла особо по поводу роли, а делала ее. Ира была дика, трудолюбива и пассионарна. Уже на втором курсе Народный взял ее в свою постановку «Леса» Островского на роль Аксюши. А через год Народный в роли Лира рыдал над телом Корделии – Ирины. К окончанию учебы Ирина была уже молодой героиней, плотно занятой в репертуаре. Одной из ведущих артисток.

Ирина получила несколько призов на театральных фестивалях. Ей дали премию края. У нее появились поклонники. Ей выделили большую комнату в театральном общежитии, так как существовать втроем с мамой и сестренкой в однушке было проблематично. Стали говорить о предоставлении собственного жилья. Ирины интервью стали появляться в ведущих краевых газетах и журналах.

И, чего Ирина точно не ожидала, ее назначили главной Снегурочкой города!

Кружились, вертелись колючие снежинки, звеня и сверкая! С Амура дул суровый ледяной ветер. А в центре города сверкала огромная елка, освещающая, казалось, все вокруг не электричеством, а светом миллиона живых светлячков, переливаясь на холоде красными и желтыми шарами и игрушками в виде домиков, лошадок-качалок, клоунов и прочих новогодних радостей. Взлетали и взрывались под радостные крики шутихи и петарды, и несмотря на промозглый холод, было волшебно, уютно и тепло. Дед Мороз с бородой и усами, похожими на замерзший водопад, пританцовывал в центре площади, и крутил над головой, словно лопастями вертолета, обвитый елочной мишурой свой магический посох. Ирина-Снегурочка весело водила вокруг хоровод с детьми. Точнее, не водила, а почти бежала голубым пятном в кричащем от восторга круге. Такой ядерной Снегурочки город еще не видел! Ира носилась как угорелая по площади, то догоняя визжащую толпу детворы, то убегая от нее. Играла с ними в снежки и даже заставила какую-то бабушку танцевать возле елки присядку. Потом дети заваляли Ирину в сугроб, и стали барахтаться с ней в белой снежной пене, с криками имитируя

что-то типа греко-римской борьбы. Молодые и немолодые отцы смотрели на своих отпрысков и молча завидовали им.

Под эти новогодние фанфары, взрывы ракет и крики «Ура!» у себя дома, в кресле с внуком на коленях напротив телевизора, умер Народный...

Нет, к Ирине не стали хуже относиться в театре. Ей так же давали роли. Ей снова увеличили зарплату. Её так же возжелали режиссеры. В плане культурном и плотском. Один даже грозился бросить семью...

Где-то ближе к весне на должность нового художественного руководителя театра поставили нового режиссера.

В театре все повеселели. То ли от искренней радости, а может, сознательно или бессознательно подражая новому художественному руководителю, молодому крайне веселому человеку, которого поставил на место Народного департамент по культуре. Молодой худрук, которому не было и сорока, влетал в зал и весело кричал: «Ну что, лицедеи, готовы творить!». «Готовы, готовы, Виктор Ильич!», - смеялись ему в тон молодые и старые лицедеи. Выходили на сцену и творили...

«Не так! Не так!», – кричал Виктор Ильич, шагом вспархивал через рампу и показывал одному, второму, третьему. Играл десятки ролей, мечась кометой по сцене. Полы его темно-серого пиджака не догоняли своего хозяина.

И не дай Бог увидит кого с грустным лицом!

– Вы, друг мой, обпились уксуса? Ах, где вы купили столько уксуса? Мне тоже нужен уксус! – громко с хохотом шутил он, увидев кого-то с кислой миной.

Худрук был молод, полон жизни, и казался сам себе любимым своим актером Олегом Меньшиковым в фильме «Покровские ворота».

Поэтому в театре тоже все казались себе молодыми, веселыми и ходили с улыбками.

Все, кроме Ирины. Нет, она, конечно, смеялась, когда действительно находила шутку нового худрука смешной, и улыбалась, когда действительно хотела улыбаться. Но не боле. Если ей было скучно на репетиции, то она скучала, если печально, то она печалилась, если трагично, то... Но во всяком случае, она не смеялась несмешным шуткам и уж тем более не старалась угодить. Иной раз она представляла собой одинокого Пьеро в окружении хохочущих Арлекинов.

И кто знает, как бы она себя вела иначе, если бы не Народный... А точнее, потеря его. Отца у нее не было. Вернее, он был и, возможно, даже жил где-то, но Ирина его никогда не видела. Какие-то непонятные школьные романы со слюнявыми поцелуями в подъезде. И Шерри... Спасибо ему огромное, что привел на встречу с Народным. Славный он малый все-таки был, Царствие ему Небесное... В студии при театре тоже что-то было, но как-то тоже несерьезно. А Народный... Учитель, Худрук на курсе и в театре, Любимый Режиссер и Партнер по сцене. Человек, смотревший на нее без толики вожеления, но с огромной любовью. Человек, вопреки всему изменивший ее судьбу... И смерть этого человека затмевала собой на данном этапе все. И нового худрука, и новые роли, да и вообще, что творится вокруг. Она даже не осуждала внутри себя, как ее коллеги стелются перед новым руководителем. Хотя бы потому что и не замечала этого. Или не старалась замечать.

И надо сказать, Виктор Ильич никогда не делал ей замечаний, в отличие от других, что она невесела, не смеется и т. д. Напротив, в общении с ней он был крайне тактичен и даже менял интонации. На репетициях он не позволял себе шутить или подтрунивать над Ирой. Он говорил серьезно и мелодично: " Вот сюда, Ирина! Да, именно так! Отлично! ». Виктор Ильич принимал Ирины предложения и правки. Других это задевало.

Но самое обидное было, когда однажды, обсуждая какого-то персонажа, Виктор Ильич сказал: " Ну вот посмотрите, он ведь в окружении толпы льстецов и при этом сам по себе. Ну, это как вы вертитесь передо мной, юлите, а Ирина на своей лодочке тихо-тихо так плывет!".

Все посмотрели на Иру. Ира вздохнула и отвернулась. Виктор Ильич посмотрел на растерянные лица актеров и громко-громко захохотал. Он любил эпатаж и резко куда-нибудь вывернуть. Обожал поставить других в неловкое положение, и наслаждаться видом жертв.

Не сказать, что Ирину после этого невзлюбили. Нет, но внутренне это отдалило ее. Хотя и после смерти Народного Ира стала замкнута, нелюдима и, если перед спектаклем много и громко говорили, то стала жестко делать замечание: " Кто там шиздит за кулисами?!»

Но всем было неприятно. Очень неприятно. Что они сделали? Почему они льстецы? Они просто хотели не то чтобы понравится новому руководителю, но... ну да! Чего греха таить, а какой артист не хочет понравится! Да и человек Виктор Ильич хороший, почему бы не посмеяться его шуткам? Что, из-за этого они твари и подхалимы?

И они были правы. Они действительно искренне хотели понравиться. И они, точнее большинство из них, никогда при этом не были льстецами и подхалимами.

Это понимала и Ирина. Роль какой-то духовной одиночки тяготила и раздражала ее. Хотя бы потому, что Ира понимала, что никакая она не духовная одиночка. Ей очень, до глубины души была неприятна шутка Виктора Ильича. Более того, Виктор Ильич стал делать ей намеки на ухаживания. Это еще больше разъярило Ирину.

От коллег она отдалилась. Режиссер-весельчак ее раздражал. Но главное, все тут стало как-то неинтересно и скучно без Народного... Театр стал казаться не храмом, а огромным нелепым зданием, таким, каким она и увидела его в первый раз. Надо было что-то менять.

Кто-то пустил слух, что гордячка-Ирка смотрит так на всех свысока, так как собралась в Москву...

Самое смешное, что если бы ни этот слух, Ире в голову вряд ли пришла бы мысль о Москве. И подумав, что если ничего не выйдет, она все равно ничего не теряет, после закрытия сезона, никому ничего не сказав, Ирина первый раз летела в самолете.

На Москву!

4.

Первый год после поступления в театр Генрих играл немного. Он бегал в двух массовках, и еще его ввели на малюсенькую роль Прохожего в «Вишневом саде». Но Генрих не роптал. Всё-таки Чехов есть Чехов, успокаивал он себя, и все чаще вспоминал фразу, что актёр должен уметь ждать. Спектаклей новых Алина Петровна не ставила. Но зато любила говорить на многочисленных сборах труппы, что «этот год наберемся сил, а в следующем году рванем так, что ёб вашу мать», и долго вдохновенно размышляла о будущих спектаклях, развалившись в широком режиссерском кресле с высокой спинкой посредине сцены, и кто какие роли, возможно, будет играть! Центральные мужские роли отдавались обычно Игорю Алексеичу, гражданскому мужу Алины Петровны. Если центральная роль Игорю Алексеичу совсем уж не подходила, то Алина Петровна обводила труппу взглядом и задумчиво произносила: " Ну, здесь нужен артист... Настоящий артист...". Дальше какая-то резонерская роль доставалась Сугробову, что-то более смешное и эксцентричное- смехачу Грише Машанину, менее эксцентричное- правой руке Алине Петровне Вале Ткачуку, который был знаком с Алиной Петровной с института. 93-летней «великой старухе» Наталье Тимофеевне Алина Петровна говорила, что для нее всегда роль найдется, даже если роли не будет. Остальные женские роли Алина Петровна распределять не любила. Но если роль была особенно хорошая или хотя бы эффектная, то Алина Петровна говорила, что двадцать лет назад она бы сыграла эту роль гениально. Просто гениально.

– Но, – через некоторую паузу добавляла она, кто знает – кто знает, может и сейчас, чуть если подзагримироваться, роль будет ей по силам.

– По силам, Алина Петровна! Какие ваши годы! – утвердительно гудела труппа.

Генриха в таких распределениях Алина Петровна обычно не упоминала. Его успокаивало то, что и большинство актеров не упоминалось тоже. Но вот однажды, заметив Генриха в углу, Алина Петровна всплеснула руками: "Ребята, а про Генриха мы нашего совсем и забыли! А ведь он артист-то от Бога! Ведь других я не беру!». «От Бога, от Бога!», - утвердительно гудела труппа. «Вот Генрих сидит- сидит, а потом-бац! – вырастит в настоящего артиста и рольку нам тут чудесную сыграет! Правда ведь?!». -«Сыграет, сыграет!», -утвердительно гудела труппа.

На следующий день к Генриху подбежала помреж Люся и, шмыгая носом, сообщила ему, что худрук желает побеседовать с ним в кабинете. Сердце Генриха ёкнуло и восторжествовало! Кто не был актером, тот не знает, что такое, когда режиссер привечает актера!

Когда окрыленный внутренне и невозмутимый внешне, словно ничего и не произошло, Генрих входил в кабинет, худрук лично разливала в пиалки из тонкого фарфора чай из чайничка в виде петуха. Чай лился из вытянутой кукарекующей петушьей головы с раскрытым клювом.

Алина Петровна царственно предложила сесть Генриху на шикарный, с обитыми бежевым плюшем седалищем и спинкой стул напротив себя. Алину Петровну с меткой подачи Сугрובה за глаза называли в театре Царицей Петровной. Алина Петровна об этом знала. Ей было очень приятно. Не спеша, время от времени медленно поднимая пиалу к губам, Алина Петровна не торопясь стала расспрашивать Генриха о родителях, и, узнав, что отец умер не так давно, закрыла глаза, помолчала и сказала, что это ужасно. Затем расспросила, как Генрих устроился в общежитии, не притесняют ли там его, не заставляют ли принимать участия в пьянках и не мешают ли ему чужие люди, которых другие актеры приводят в общежитие. Генрих утвердительно сказал, что никто не заставляет, так как пьянок в общежитии нет, и посторонних приводить никто моды не имеет. Во всяком случае, он, Генрих, ничего подобного не видел и не слышал.

Соврал, конечно.

А что делать? Не сдавать же чуваков!

Потом Алина Петровна спрашивала, как часто он ездит к маме в Жаворонки, какие роли он играл в училище и есть ли у него девушка и как её зовут. Время от времени Алина вставляла в фразу крепкое словечко, но Генрих уже привык к этому, дискомфорта не ощущал и отвечал спокойно, почти честно, и с удовольствием. Он даже зачем-то сказал, что во время учебы пересмотрел весь репертуар мочаловского театра и что играть на подмостках этого театра являлось едва ли не самой заветной мечтой Генриха. Алина Петровна скромно и властно улыбалась. Нетерпение, когда же худрук предложит ему какую-то роль, росло. Под ложечкой сосало. «Всматривается в меня, -думал Генрих.-И правильно, пусть всматривается. Ведь я именно тот, кто и нужен!»

Но Алина Петровна продолжала спрашивать незначительные какие-то вещи. Например, любит ли Генрих домашних животных и часто ли ругается за кулисами Наталья Тимофеевна. "Да ни на кого не ругается! Что ей-то ругаться! Но уж точно не на вас!», – опять соврал Генрих и попытался засмеяться. Интуиция подсказывала ему, что как-то всё это не то... Алина Петровна многозначительно посмотрела на Генриха и спросила, любит ли он поэзию, и не мог бы сейчас, прямо здесь, что-нибудь почитать наизусть ей.

«Началось!», -обрадовался Генрих.

Он с уверенностью прочел" Когда для смертного умолкнет шумный день...» Пушкина, потом без паузы, изображая крокодила, ползая по ковру и скаля зубы и пугая худрука, от первого лица исполнил стихотворение Саши Черного. Генрих понимал, что Алина Петровна уже

почти забыла его показ на поступлении, и хотел показать себя артистом многосторонним, гуттаперчивым, которому доступны все жанры от трагедии до клоунады. Он, чего греха таить, как и любой артист, очень хотел понравиться и был уверен, что он сможет это сделать! После Крокодила, не дав опомниться офонаревшей Алине Петровне, так же без паузы, стал читать какой-то монолог из забытой русской трагедии забытого автора, который он читал на экзамене по сценической речи в середине второго курса.

«Почто, несчастная, меня ты мучать вздумала?!
Прижми, прижми к горячим персям мою главу лихую...»

На этих словах Генрих раскрыл объятия и двинулся на Алину Петровну, застывшую от восторга и счастья в кресле с открытым ртом, и с поднесенным к нему пиалкой чая в растопыренных пальцах с перстеньками.

– Тихо, тихо, Генрих! Довольно! Хватит! Садись! – взмолилась Алина Петровна.

Генрих, тяжело дыша, с тревогой думая, уж не переборщил ли он, сел. Некоторое время сидели молча. Алина Петровна, то и дело поднимая глаза, одаривала Генриха удивленными и восхищенными взглядами.

«Понравился!» -огонек загорелся в груди Генриха.

– Вы очень талантливый человек, Генрих! – выдавила из себя Алина Петровна через некоторое время.– Даже талантливее, чем я думала. А мне нравится окружать себя талантливыми людьми.

Генрих ликовал и зачарованно слушал эти сладостные слова.

– Знаете, Генрих, в последнее время я как-то отпустила труппу... Перестала ей себя в полную силу отдавать... Это, конечно, и моя вина, но... В труппу входит что-то нехорошее, гадкое, разлагающее... Ну, вы меня понимаете?!

Генрих не понимал, что именно вошло в труппу, но заворожено и уверенно закивал.

– Так вот, мне нужен, как это сказать... Помощник внутри труппы. Это не всем под силу. Тут нужен не просто талантливый человек, а чистый... Внутренне чистый. Чистильщик. Этаким волк-одиночка. Чтобы не допускал никакого цинизма, чтобы пресекал любой разврат и грязь! И я очень хочу, Генрих, чтобы этим чистильщиком были вы!

– Я никогда не допускал цинизма в театре, я всегда...

– Я хочу, чтобы вы следили за своей душой и по возможности, за душами других! – Алина Петровна не дала Генриху договорить. – Нельзя, как говорится, молиться в алтаре, а потом тут же снять штаны и нагадить в нем.

– Конечно, нельзя, Алина Петровна, конечно, нельзя!

– Так я могу надеяться на вас?!

– Всё что в моих силах, Алина Петровна! Что в моих силах! -залепетал Генрих.

– Спасибо! -Алина Петровна протянула Генриху руку. Генрих впервые дерзнул, и поцеловал руку худрука.– Ну вот и славно! Теперь мы друзья, правда?

– Конечно! -улыбнулся Генрих.

– Не замарайтесь, Генрих! Не замарайтесь! Оставайтесь таким же добрым и светлым! А в вас очень много света, я ведь вижу! Ну вот, мы и друзья! – Алина Петровна засмеялась, трясла руку Генриха, словно детсадовская девочка – озорница. – А между друзей тайн не существует! Заходите почаще! Так мало людей, с которыми хочется общаться!...

Генрих, пожимая руку худрука, блаженно смотрел на лицо Алины Петровны, которое казалось ему ликом, и понимал, почему brutальный Игорь Алексеич, будучи моложе Алины Петровны на пятнадцать лет, полюбил эту удивительную, внешне не особо примечательную женщину.

И Генрих даже почувствовал ревность...

Проходили дни. Проходили недели. Но ничего не менялось. Генрих так же бегал в масовке древним римлянином, мечущимся между Брутом и Марком Антонием, все так же готовился за сутки к малюсенькой роли Прохожего. Но уже не стоял в стекляшке-рыгаловке вместе с другими актерами после спектакля, пытался заниматься йогой, и даже пару раз попросил в гримерке прекратить рассказывать анекдоты после первого звонка.

«Молодец, Генрих, далеко пойдешь!», – похвалил его Сугробов и похлопал по плечу.

Каждый день Генрих подходил к доске объявлений, в надежде нового распределения с собой в одной из центральных ролей, но распределения не было, и Генрих по сотому разу перечитывал старые рецензии на спектакли Алины Петровны, висевшие на доске со скрюченными уголками. Когда в коридоре или на вахте Генрих сталкивался с худруком, Алина Петровна всегда ласково улыбалась ему, спрашивала о делах и два раза даже подмигнула. Генрих тоже улыбался в ответ, говорил, что все хорошо, и однажды сам едва не подмигнул в ответ. Ему сразу вспоминался разговор с Алиной Петровной в кабинете и казалось что вот-вот, вот-вот, благодаря этому замечательному режиссеру и человеку, в его жизни случится что-то такое важное и замечательное, что Генрих даже боялся и стеснялся думать и мечтать об этом «что-то», словно боясь спугнуть и развеять это незримое будущее счастье...

Через месяца с небольшим Генрих, все-же пересилив себя, постучался в дверь к художественному руководителю.

Алина Петровна была чем-то занята, говоря по телефону, но, увидев Генриха, попросила его подождать. Через пять минут артист уже сидел напротив своего режиссера на том же стуле, что и в первый раз. Только чая не было. Да и пес с ним, с чаем!

– Здравствуй, Генрих! Рада, что зашел! Давно не виделись! – немного вальяжно произнесла Алина Петровна, хотя виделись они часа два тому назад, в столовой, и она даже сделала комплимент Генриху, что тот построил и стал лучше выглядеть, что в общем, и послужило Генриху первым шагом в этот кабинет.

– Приветствую вас, Алина Петровна!

Больше Генрих не знал что сказать... Он подумал, что Алина Петровна сама всё поймет. Повисла пауза...

– Ты мне что-то хотел рассказать, Генрих?

– Ну вот, очищаюсь помаленьку, -Генрих стал мямлить. Ему показалось не скромно выпячивать себя напоказ.

– От чего очищаешься? – не поняла Алина Петровна.

– Ну... от всего... йогой занимаюсь, чакры чищу... Пить вот бросил...

– Молодец, молодец, Генрих! – Алина Петровна не поняла, в какую сторону тянет логическую линию этот странный высокий рыжеватый актер, но на всякий случай похвалила.– И что?

– Ну как что? – Генрих улыбнулся, и сказал на полтона ниже, как-будто кабинет прослушивали, – Я готов!

– К чему готов?!

– Ну как к чему?! Готов к труду и обороне! – он хихикнул, но, увидев, что худруку как-то не смешно, резко замолк. Что-то я, наверное, не то делаю! – подумалось Генриху. Краска залила ему лицо. Он чуть съёжился, как ноябрьский листик. Ему стало неудобно. Дыхание участилось.

– Генрих, вы пьяны?

– Да что вы, Алина Петровна, я же бросил!

Алина Петровна наклонилась чуть вперед и долго смотрела Генриху в глаза.

– Рассказывай! – жестко и сухо после паузы сказала она, откинувшись на спинку кресла. Генрих не понял.

– Простите, Алина Петровна, что?

- Что что?
- Да я не понял, что рассказывать-то?
- Что хотел рассказать, то и рассказывай!
- А что я хотел рассказать?!
- Откуда я знаю, что ты хотел рассказать?! Что хотел, то и рассказывай!
- Но я ничего не хотел рассказать!!!

Алина Петровна сняла с носа очки в золотой оправе и, глядя внимательно на Генриха, стала медленно протирать их платочком. Внезапно взгляд ее потеплел, она закивала чуть головой, словно о чем-то догадалась, одела очки и улыбнулась.

Ууух... У Генриха отлегло от сердца... Он уже совсем не понимал, что происходит, о чем его спрашивают и куда ему деваться...

– Я понимаю, это нелегко. Нелегко говорить о коллегах, с которыми играешь на сцене, которых знаешь, которых любишь и уважаешь...

- Что говорить?
- Что они говорят.
- Но они много что говорят!
- Ну вот на днях что говорили?!
- Кто?!
- Ну кто-кто?! Сугробов, например!

Генрих даже не был расстерян. Ему казалось, что он где-то внутри ненаписанной пьесы Бэкетта... Но надо, так надо.

– Ну, Сугробов говорил про мебель. Там стенка и диван вроде. На дачу покупал. Говорил, что рабочие, когда заносили в дверь диван, краску на проеме ободрали и столик задели. И кувшинчик со столика упал, но не разбился. И еще кота испугали. Он весь вечер после этого на чердаке сидел и линял. И мяукал громко...

- Да при чем тут кот! Что еще Сугробов говорил?
- Ну, еще ругался страшно!
- Ну вот! Вот! Наконец-то! И как он ругался? Что именно говорил?

– Говорил, вот подонки, пришли, холода напустили, кувшин уронили, проем испоганили, кота испугали! И еще матом много!

– Да при чем тут это! – Алина Петровна потеряла терпение. – Про меня, про меня что он говорил?!

Генрих молчал. Было абсолютно непонятно, естественно ли он себя ведет, действительно ли не понимает, что от него хотят, или все понимает и валяет дурака и издевается...

– Ничего. Про вас Сугробов ничего не говорил. И никто не говорил. – Тихо сказал Генрих после паузы.

– Генрих, скажи, пожалуйста, ты зачем пришел?! – Алина Петровна еле сдерживала ярость.

– Ну... вы же сказали, Алина Петровна, что мы друзья... Заходи, когда хочешь... Поговорим... И... я очищался... и еще попросил в гримерке анекдотами не баловаться...

- Генрих, скажи честно, ты... придурок?
- Не знаю, Алина Петровна... Дайте мне роль хорошую, пожалуйста, ей-Богу, я не подведу! Я готовился! Я... очищался!

Алина Петровна была на взводе и была готова послать этого идиота куда подальше. И она собралась это сделать, она даже ударила кулаком по столу, но, взглянув в глаза Генриху, ей стало вдруг неловко... Неуютно как-то в своем собственном кабинете. В своем собственном театре... А вслед за неловкостью внезапно на Алину Петровну накатила стыд. Она встала и повернулась лицом к окну, только чтоб не смотреть на Генриха. Она не знала, что ей делать?

Если бы это был очередной стукач, она бы цинично говорила с ним, подарив в конце разговора похвалу, а тут...

Она пыталась что-то сказать, но не могла. Она стала неприятна самой себе, и еще больше почему-то ей стал неприятен Генрих, который своей то ли искренностью, то ли тонким притворством, неважно, довел её до такого чувства. До стыда. А Алина Петровна ненавидела собственный стыд. И она возненавидела Генриха за это в эти минуты. За то, что он заставил её на секунду устыдиться саму себя.

– Роль заслужить надо, – медленно, с ростановкой и знанием дела произнесла Алина Петровна. И услышав, что Генрих вобрал чуть воздуха, чтобы что-то ей сказать, опередила его на полувдохе. – Тихо! Иди. Будет день – будет пища!

Генрих чуть постоял на месте, очевидно, до сих пор ничего не понимая, и вышел.

– Ебанутый! – с сухой желчной злостью одними губами сказала Алёна Петровна.

Через несколько дней Генрих сорвался. Был день рождения «великой старухи» Наталье Тимофеевны, и все пили после спектакля в гримерке. К полуночи осталось человек семь самых стойких рыцарей коньяка и рюмки. Среди них был и Генрих, которого Сугробов поздравил с тем, что он «снова на коне». Алина Петровна поздравила еще перед спектаклем и давно уехала. Генрих был немногословен и мрачен, как Карл Моор. На просьбы рассказать, что с ним случилось, говорил, что сегодня праздник у Натальи Тимофеевны, а не его день жалобной книги. Наконец сама Наталья Тимофеевна, заинтригованная, даже не попросила, а потребовала, чтобы Генрих рассказал свою причину душевного недуга и внутренней тяжелой актерской скорби... И Генрих рассказал. Рассказал, как ласково вела с ним Алина Петровна, как называла другом. Как говорила, чтобы он заходил к ней в любое время, если хочет что-то сказать, как сказала очищаться. Как Генрих очищался, не пил, и занимался йогой. Как была странна в последнее посещение Генрихом, нервна, ударила зачем-то кулаком по столу, и что от неё, по словам Генриха, "разило холодом, как от Снежной Королевы». Рассказал все без утайки, никого не стесняясь. Алкоголь сделал свое дело.

– В чем я перед ней провинился?! – почти стонал Генрих, уткнувшись локтями в гримерный столик и обхватив голову руками.

Рассказ оканчивал в полной тишине. Все внимательно слушали. После рассказа кто-то громко хмыкнул. Кто-то хмыкнул тихо. Кто-то приложил палец ко рту еще в середине рассказа, как бы подавая знак Генриху, что не надо об этом рассказывать всем. Кто-то покрутил пальцем у виска. Кто-то вовсе делал такой вид, будто ничего не услышал. А Наталья Тимофеевна погладила Генриха по рыжим непослушным волосам, налила ему еще рюмочку и густо намазала печени трески на горбушку...

Казалось, что после этого вечера большинство стали относиться к Генриху намного душевнее и теплее. Но только не Алина Петровна.

Буквально через день всех резко вызвали на сбор трупы. Алина Петровна как бы случайно привязалась к балахону Генриха с символикой питерского «АукцЫона» и внезапно стала ругать его, браня за то, какое право имеет он, русский артист, ходить в одежде, на которой ЦИ через Ы?! Затем сказала, глядя ледяным взглядом на Генриха, что артист без таинства не артист, а артист, не умеющий хранить тайну -дважды не артист, что Генрих ее в последнее время разочаровывает тем, что «его энергетические колебания не соответствуют энергетическим колебаниям театра», и она боится брать грех на душу, если Генрих вдруг начнёт деградировать. А Алина Петровна была почти уверена, что деградировать Генрих уже начал. Но она всё же надеется, что он одумается. О чем он одумается, Генрих так и не понял. Так же как и когда началась его деградация и в чем она заключается?

Внезапно Алина Петровна переменяла тему. Медленно отведя глаза от униженного и растерзанного Генриха, непонимающе в глядя в пол влажными глазами, Алина Петровна с трепе-

том, словно произнесла монолог Гамлета, что «взрослые» спектакли подождут, что у театра, как всегда, нет денег, а для детей надо играть всегда. Ибо дети – это все. Никто и не спорил. Что в спектакле будут задействованы все силы театра. Ибо настоящий артист никогда не брезгает играть перед детьми. Наталья Тимофеевна с Сугробовым чуть кивали, очевидно, соглашаясь. И хмуро о чем-то думали.

В детском спектакле, про трудовые тяготы и будни овощных грядок, Генриху досталась роль Мистера Моркови. Во втором составе.

У Генриха были своеобразные данные. Выше среднего роста, где-то метр восемьдесят с хвостиком, с чуть вытянутым лицом, обрамленными рыжеватыми волосами почти до плеч. Детские смешливые глаза, немного глуповатые после первой бутылки пива. Выражение лица а-ля "простите, а вы не скажете, что я здесь делаю?"».

Этакий типчик, затерявшийся между Юрием Никулиным и Юрием Яковлевым. Какая-то добрая пародия – шарж на Караваджо. Незлобный, ранимый, задумчивый с одной стороны. С другой- нелепый и смешной в своей резкой вспыльчивости, от которой, впрочем, он быстро отходил. Вроде комик – хотя какой он комик... Не резонёр точно. И не любовник. Ну точно не герой, хотя... хотя ведь есть что-то героическое! Ну может, от чересчур характерного героя. Ах, вот- характерный, точно! Но характерным должен быть ведь каждый актер, независимо от амплуа, как говорили старые легендарные театральные педагоги. Хотя какое в наше время амплуа?! Актер должен уметь играть в современном театре всё! Сколько прекрасных артистов было, так сказать, вне амплуа, и умеющих сыграть все вплоть до табуретки! Но и сколько таких «внеамплуажных» артистов спилось и сгинуло в неизвестности, так и незамеченных режиссером и зрителями...

С первого курса Генриху твердили одну и ту же набившую оскомину фразу, что он должен «найти своего режиссера, который найдет к нему подход и откроет его». А где искать этого режиссера, который откроет его, если других режиссеров кроме Алёны Петровны не было? Да и то он умудрился впасть к ней в немилость...

Казалось, что Алина Петровна дала ему второй состав Моркови не для того, чтобы Генрих сыграл Мистера Морковь во втором составе. А для того, чтобы сделать его таким мальчишкой для битья и поточить на нем зубы, прежде чем хорошо погрызться с Игорем Алексеичем или двоюродным братом Вячеславом, работающим в театре директором. То Алине Петровне не нравилась прическа Генриха, то его напряженный лоб, то пустые, на взгляд худрука, совсем не одухотворенные глаза. Выпустив один раз Генриха на сцену, устояла показную порку, обращая внимания, как плохо Генрих двигается, как он не выразителен. Как неинтересен по сравнению с другими актёрами...

Кто-то проживает прессинг и унижение ответными действиями, словно пружина, которую сгибают, и в определённый момент она разгибается и дает сдачи. Кто-то не делает ответного движения и в итоге ломается. Или не ломается. Генрих отвечал Алине Петровне тем, что никогда не спорил на её несправедливые резкие замечания и не оправдывался.

Казалось, он абсолютно во всем с ней согласен, но говорит молча: "Ну это сейчас я такой, а потом буду лучше!" Сугробов говорил ему часто: "Терпи, Анри, терпи! Это театр! Закаляйся! Меня и не так ебли, как в театр пришел!". Это давало Генриху силы, и он снова шел «закаляться»...

И вот на одной репетиции Алине Петровне не понравилось, что Генрих не особо смеется и сидит чересчур с мечтательным выражением лица.

– Обратите внимание, господа, на рожу Генриха Матушкина! Геша, замри!, -Алина Петровна щелкнула пальцем, и Генрих автоматом замер.– Вы только внимательно посмотрите на рожу этого человека, называемого вами Анри! Как можно сидеть на моей репетиции с таким выражением лица?! На МОЕЙ репетиции????!! Какое ты право имеешь, блядь, сидеть на МОЕЙ репетиции с ТАКОЙ мордой??? Ты у всех энергию жрешь этим выражением!

Генрих сидел, замерев, как приказал ему режиссер, и, чуть наклонив голову, с улыбкой смотрел остекленевшим взглядом, не моргая, в только ему одному ведомую сторону. Это еще больше разозлило Алину Петровну.

– Ты окаменел, что ль?! Отвечай! У какого мудака ты украл такое выражение лица?!

Генрих был непробиваем. Всё так же сидел с улыбкой без движения, как мим на площади, словно дразнился и хвастался одновременно Алине Петровне этим своим выражением.

Художественный руководитель долго смотрела на застывшего актера, похожего на восточную статуэтку нецке какого-то синтоистического божка. Кто-то тихо хихикнул. И еще кто-то погромче.

– Ну что-же, полюбуемся этим Жан-Луи Барро.

Алина Петровна села рядом с Генрихом и положила ему руку на застывшее плечо.

– Мне жаль тебя, Генрих, очень жаль... -покачала головой Алина Петровна. – Вот Гамлет задавался вопросом: «Быть или не быть?». А ты? Ты хоть раз в своей жизни подумал " Артист я или не артист?». Актер настоящий или хуй с горы? Нет. Почему? А потому что ты не артист, а хуй с горы! Если бы честно задал себе этот вопрос, и был бы честным человеком то давно бы в монтировщики ушел.

Алина Петровна заметила в уголках до сих пор не моргающих глаз Генриха блеск слезинок, и обрадовалась.

– Зареклась ведь не держать в театре балласт! А тут твои педагоги звонят! Возьми да возьми мальчика! Не шибко талантливый, но вот театр твой любит, весь репертуар наизусть посмотрел! И я, дура наивная, мальчика и взяла! И на кой черт он мне сдался! Сидит вот, как придурок, и статую изображает!

Генрих все сидел и изображал статую. Но только по щекам из широко открытых глаз текли две теплых струйки.

Актеры сидели, потупив глаза. Они привыкли. Время от времени Алина Петровна устраивала такие прилюдные порки для поддержания дисциплины, и почти все присутствующие, а уж тем более работающие в театре не один год, прошли через это. А большинство не один раз. А те, кто не прошел, знали, что рано или поздно придет и их черед, и внутренне к этому готовились. Знали и то, что заступаться за коллегу бессмысленно, так как моментально попадешь сам в опалу, да и Алина Петровна неистовствовать будет еще лютее и жестче, за что будешь обруган коллегами. Поэтому относились к таким поркам с содроганием и одновременно как к чему-то естественному. Они могли, конечно, ответить, но тогда придется, судя по всему, уйти из театра, а уходить из театра никто не хотел. Да и все уже давно относились к этому не как к жестокости и насилию, а как к эксцентричным выходкам очень-очень талантливого человека.

– Дай в глаза посмотрю! – Алина Петровна с наслаждением смотрела в мокрые генриховы глаза.

Слезы, неважно, чем они были вызваны-словами или соприкосновением роговицы с воздухом, возбуждали Алину Петровну как кровь хищное животное.

– Ах! Гордыни сколько! -худрук испуганно отпрянул, будто увидев что-то нехорошее. – И корысти! Все твердят – Генрих хороший, Генрих добрый... А Генрих на самом деле... Ответь нам всем: кто ты, Генрих!? Почему тебя люди бояться? Почему девица твоя уехала от тебя в Сибирь, как декабристка без декабриста?! Да и какой ты декабрист...

Слёзы лились уже непрерывно и сплошным потоком. Генрих дрожал всем телом, возможно, от того, что старался сохранить форму...

– Ладно, будет с тебя! Разомри! – Алина Петровна щелкнула пальцами.

Генрих вскочил и выбежал из репетиционной, одной рукой закрывая лицо, другой почти вышибив дверь и громко ей хлопнув.

В аудитории стояла тишина. Алина Петровна не спеша прошла походкой победительницы, сухо и с прищуром переводя взгляд с одного актера на другого, словно высматривая их отношение к происходящему.

– Вот так-то, ребята, вот так-то, – спокойно сказала она. – Или ты актера, или он тебя... Третьего не дано...

Дальше Алина Петровна произнесла, все больше и больше накачиваясь жаром, раскалённый монолог о том, что театр это передовая, где всегда бой. И что без боя в театре нельзя. Бой за роль, бой за спектакль, бой за собственное искусство, бой за собственное эго и бой с собственным эгом, наконец. Что театр не место гармоническим отношениям. Но если они встречаются как, например, гармонические отношения её, Алины Петровны, с Игорем Алексеичем, то они крайне редки и дарованы Богом.

Генрих умылся в туалете холодной водой. Постоял, время от времени чуть всхлипывая. Потом покурил. Вспомнил однокурсников. Вспомнил Ленку, поехавшую служить в омский театр. Звала ведь с собой. И его в театр этот омский звали. Но куда он от Москвы?... Вспомнил, как провожал ее на вокзале... Как обнимались на перроне. Как он обещал приехать. Может, еще не поздно рвануть... Потом снова постоял. Плюнул в писуар. Снова умылся и твердо решил идти писать заявление об увольнении.

«...Подышишь воздухом одним, и в нем рассудок уцелеет!», – вертелась фраза в голове Генриха, словно испорченная пластинка.

Проходя мимо двери репетиционной, Генрих все же остановился. Прислушался. Алина Петровна о чем-то громко вещала. "Не обо мне ли?", -то ли с надеждой, то ли с ужасом подумал Генрих, и решил, что всё же это некрасиво как-то, вот взять, психануть, дверью хлопнуть, написать заявление. Неблагодарно как-то. Не его это, Генриха, уровень. Надо спокойно доработать день и уйти с гордо поднятой головой.

Затаив дыхание, Генрих без стука тихо открыл дверь...

Затронув тему гармонических отношений между собой и Игорем Алексеичем, Алина Петровна стала развивать эту тему, словно джазмен на саксофоне. Она завела ее в агрессивные звенящие диезы, где говорилось, что только они с Игорем Алексеичем составляют ударный авангард театра и только они его тянут на себе. Увидев в зале случайно зашедшую Наталью Тимофеевну, сонно оглядывающуюся и не понимающую, о чем идет речь, Алина Петровна тут же перевела «великую старуху» в одну упряжь к себе и к гражданскому мужу, превратив двойку в тройку, и сделала сравнение с картиной Перова.

– Я, Игорь и Наталья Тимофеевна! – жестко, со знанием дела говорила Алина Петровна, потрясая перед собой сжатым кулаком. – Вот она, ударная тройка нашего театра! Тройка, которой все нипочем! Которая разобьет любые стены! А почему?! А потому что только я, Игорь, и Наталья Тимофеевна по-настоящему живем театром и искусством, в отличие от вас, у которых в уме только съемки в разном говне, водка и ебля с криком!

Наталья Тимофеевна понимающе качала головой.

В это время дверь скрипнула и зашел Генрих.

– Кто это?! – Алина Петровна вздрогнула. – Генрих?! Проплакался?!

– Попробуйте тут не моргать минут десять, слушая вашу артиллерию, и не проплакаться! – Генрих был прост и обаятелен. Казалось, что ничего между ними не произошло, и он зашел так, совершенно случайно. Мимоходом. Но Алина Петровна его не слушала.

– Скажи-ка нам, Генрих! – в голосе худрука слышался приказ. – Кто у нас самая-самая тройка?

– Что?!

– Ну, самая ломовая! Которая сквозь огонь, и воду, и медные трубы?! Самая ударная тройка кто, я спрашиваю!?

– Крутов, Макаров, Ларионов!!! – отчеканил Генрих первое, что пришло в голову.

– Чего???!!!

– Ничего. Крутов, Макаров, Ларионов... Нападающие... Корифеи льда...

В зале раздалось несколько смешков.

– Знаешь что, Матушкин, а иди-ка ты нахуй! – обескураженно и трогательно слетело с губ Алины Петровна.

И тут Игорь Алексеич загоготал своим баритоном! А за ним – все остальные. Даже Наталья Тимофеевна хохотала. Больше от попавшего впросак худрука.

– Ну вот, пошутил и хоть на человека стал похож! -улыбнулась Алина Петровна.– Садись иди, Крутов, Макаров, Ларионов! Или как там тебя? Карл Девятый!

Случайная шутка Генриха создала хорошую атмосферу, репетиция двинулась своим ходом, все что-то шутили, предлагали, спорили. Генрих показал, как, по его мнению, вражеский агент Мистер Морковь должен падать с забора и ходить перебежками в черных очках, и все смеялись и даже чуть аплодировали. И Генрих уже не хотел идти и писать заявление об уходе, и ехать куда-то далеко в Омск. А когда, прощаясь после репетиции, Игорь Алексеич ткнул его по-дружески кулаком в плечо, улыбнулся и показал поднятый кверху сжатый кулак а-ля «но пасаран», то Генриху все прошедшее показалось случайным недоразумением. Он облегченно вздохнул, и понял что никуда отсюда не уйдет. И не уедет.

Вечером в рыгаловке – стекляшке Генрих выпивал с Валец Ткачуком и Сугробовым.

Все сошлись во мнении, что Генрих взял волю в кулак, совершил некий «прорыв» и куда-то прорвался. Генриху было приятно, хотя он и понимал, что это не совсем так.

Пили за его здоровье.

Говорили, что театр тяжелое дело и надо иметь особые силы и талант, чтоб там работать. Что на унижения, испытываемые актером, жаловаться грех, так как сам знал, с чем хотел связал свою жизнь.

– Ты на Алинку не обижайся, – защитил худрука Сугробов, – кошка мышку дерет не за то, что сметаной кормят, а потому что кошка. Хищник. Так же и режиссер актера. Актёра кусать – часть профессии. И мировоззрения. Назвался, брат, груздём – полезай в кузов!

– Блядская у нас профессия, блядская... – как всегда говорил хорошо принявший Валя Ткачук.

Сугробов поглядел на пустую бутылку, сказал, что не по-мочаловски это как-то, и купил еще одну.

Потом еще две.

Пили за каждого из присутствующих. Пили за актерское терпение. Пили за Алину Петровну три раза и за театр имени Мочалова. Просто пили, без громких тостов, под скромное ткачуковское «ле хайм»...

Генрих помнил в радужной дымке, что Сугробов хрипел ему, чтобы тот рос, зрел, обрстал мясом и что он, Сугробов, в него верит...

Больше Генрих ничего из этого дня не помнил.

Зато первый раз в жизни провел ночь в отделении милиции, когда уснул возле общежития на лавочке.

Генрих оправдал сугробовскую веру в него и созрел. Если так можно сказать в данной ситуации. На премьере фруктово-овощного детского утренника Мистера Морковь сыграл именно он. В первом составе. Точнее, в единственном...

Параллельно репетировавший с ним актер ушел, написав заявление об уходе.

В тот год многие ушли, не согласившись на небольшую, без повышения, зарплату, а главное, не выдержав и более легких прилюдных «порок» Алены Петровны, чем те, что достались Генриху.

А он, Генрих, остался.

И гордился этим.

Ушедшие представлялись ему результатом беспощадного отсева, естественного отбора, как снятие слабых бегунов на марафонской дистанции в результате того, что игроки падают и не находят больше в себе сил бежать дальше. Ему было жаль сошедших с дистанции и даже как-то неудобно внутренне перед ними, что он, в отличие от них, двигается дальше.

Даже когда время от времени Алина Петровна кричала на него, добавляя крепкое словечко, Генрих воспринимал это не как оскорбление или желание причинить ему обиду, а лишь как очередную духовную закалку, после которой он, как ему казалось, становится сильнее. Можно, даже сказать, как акт гражданского и личного мужества.

Если бы даже у Алины Петровны выросли вдруг клыки и она бросилась бы на Генриха, чтобы напиться его крови, то он бы не испугался и не думал стрелять в Алину Петровну серебряной пулей, а преспокойно сам подставил бы свою шею под укус.

Генрих чувствовал себя стойком, и даже немного героем. Ему казалось, что Алина Петровна стала ругать его значительно меньше исключительно из-за того, что наткнулась в Генрихе на нерушимую стену, с которой она совладать не в состоянии.

И если бы узнал, что Игорь Алексеич, оценивший хоккейную шутку, заступает за него перед гражданской женой, то Генрих бы этому не поверил...

Приближался конец первого профессионального театрального отпуска Генриха Матушкина. Полтора месяца тянулись долго. Генрих сидел у себя в Жаворонках, ухаживая за больной матерью, изредка выезжая в Москву на встречи с однокурсниками. Встречи проходили так себе. Однокурсники возбужденно обсуждали предстоящие или прошедшие съемки в каких-то сериалах, и Генриху, которого ни на какие съемки не звали, было обидно и он чувствовал себя чужим.

Звонил пару раз к Ленке в Омск. Лена собиралась замуж за сорокапятилетнего заслуженного коллегу. Генрих на всякий случай сказал, что рад за нее...

Съездил на неделю к родственникам в деревню, где спустил на пьянки и подарки почти все свои небольшие отпускные.

Время от времени, соврав больной матери, что в Москве у него неотложные дела, приезжал в столицу и жил по несколько дней в пустой общаге у себя в комнатке на втором этаже двухэтажного старого особняка возле военного госпиталя.

5.

Этот потрепанный, облезлый особняк стоял через забор от военного госпиталя и напоминал старую шкатулку рядом с добротным мощным комодом. Этакую никогда не реставрируемую шкатулку. Или на скромного слугу рядом с седым благородным аристократом. В общем, много на что был похож этот маленький особняк. Даже особнячок. Хотя и особнячком его было сложно назвать. Это был, как его раньше называли, флигель, пристройка во дворе основного здания, выполненного в том же стиле. И кто вообще отдал эту прелесть театру под общежитие? Но кто бы он ни был, Ирина говорила ему внутреннее искреннее «мерси». В старинных особнячках ей еще не приходилось обитать. Уже чисто из-за этого в Москве ей начинало нравиться... Рыжая таинственная женщина-режиссер, внимательно взглянув на Иру и почти не прослушав, сказала, что берет в театр... Здание театра, небольшое, но с какими-то витавшими до сих пор в воздухе речами и теньями 19 века... Это общежитие было этаким младшей кузиной театра. Скромное и уютное, как нора хоббита. Две маленьких квартирки на первом

этаже и пять комнат на втором. И номер шестой на втором этаже рядом с кухней- ее, Ирин, номер!

Древний паркет со стертыми квадратиками и ромбиками. Железная кровать с сеткой-рабицей со сложенным вдвое тощим полосатым матрацем. Высокие желтоватые потолки с закругленными углами и паутинками, похожими на шелк. Такое же высокое окно со старой, местами ссохшейся и свернувшейся в трубочку краской на крепкой раме и переплете. Приятный, немного прелый запах музейной истории. Может, здесь и Пушкин бывал. Может, и приводил кого-нибудь... Ира села на кровать. Сетка, скрипнув, хорошенько продавилась под Ирой.

«Люди искусства, все-таки, – страстные люди! – философски заметила Ира, сделав глоток из фляжки с коньяком. – Сходить, что ль, завтра куда? В зоопарк, например!»...

Главной любимицей Иры стала печка-голландка на кухне с непонятными, давно выцветшими рисунками на кафеле, что придавало голландке вид уцененного экспоната с авангардной выставки.

«Только как, интересно, голландцы в ней еду готовили? – Ира сдвинула брови. -Наверное, картошку запекали в углях. Или что-то посерьезней в фольге».

Ира вспомнила одну важную вещь. Что-то про то, что надо обязательно открывать заслонки... Или как их там, блядь, вьюшки...

Дров не было. Возможно, они были в кладовке под седьмым номером, комнате с огромным амбарным замком и без окна. (Ира уже несколько раз обошла место ее будущего обитания. Вот ее окно, вот окно кухни, на торце – узкое окошко коридорчика, завернешь- а там, на месте окна- уродливое кирпичное пространство).

Ирина понюхала руку, которую днем лизнул жираф в зоопарке, когда она кормила его круассаном. Рука жирафом не пахла. Да и днем не пахла. Рука пахла рукой...

Люди в парке с интересом смотрели на молодую интересную девушку в джинсах и широкой футболке, обламывающую сухие ветки, и связывавшую их тонким женским ремешком в небольшую вязанку, как в фильмах про деревенское средневековье. Ирине нравились их взгляды и улыбки. И то, что ее даже снимали на телефоны. Тайком. Но Ирине было приятно. Первые поклонники в Москве, бляха-муха! Она даже позволила себе немного подыграть им. Ирина забралась на дерево и, сидя на ветке и теребя ногами, курила, пуская колечки. Стражей порядка не было, да и если бы и были, то что они могли сделать? Ира чувствовала себя Русалкой На Ветвях. И поэтому, когда к дубу- липе приблизился кот, очевидно, ученый, Ира сочла это добрым знаком и забрала кота с собой в общагу. Вместе с вязанкой веток. Траур прошел. Она дышала новым воздухом. Воздухом Москвы. Ей было жестко и весело.

Потом Ира нашла возле общежития доску и долго прыгала на ней, положив один ее край на крыльцо, пока доска не сломалась.

Стемнело. Разбуженные дымом тени прошлого с полуобвалившейся лепнины с удивлением пытались рассмотреть через чад эту молодую амазонку с отдаленного края империи, которая половником вытаскивала из печки-голландки блестящий сверток. Кот ученый, чудесным образом превратившийся в кошку, тыкался носом в фольгу, обжигался и то ли мяукал, то ли стонал. Цыпленок был подгоревший сверху. И абсолютно сырой внутри. Ирина мягко, но грязно негромко выругалась. Очень хотелось есть. И коту-кошке, очевидно, тоже. Бывшая провинциалка вздохнула, подняла голову и вздрогнула. В мокром от чада окне на фоне фиолетового вечера она ясно увидела неясный силуэт человека, стоящего за ее спиной.

– Здрасьте! – само собой напугано вылетело из Иры.

– Привет! – через паузу раздалось из-за спины. А затем снова через паузу.– Фиаско?

Это он о цыпленке, очевидно.

– Фиаско! – выдохнула Ира, не сводя взгляда с силуэта.

– Вы новенькая?! -спросил силуэт.

– Я?! Я Русалка на Ветвях! – улыбнулась Ирина силуэту.

– Это хорошо! С Русалками у нас в театре вечные проблемы! – силуэт снял рюкзак и поставил его на пол.– Тут, если что, пицца кое-какая есть. Для тела. Для души пока ничего предложить не могу!

Силуэт развернулся и направился к номеру семь напротив входа на кухню, где, как думала Ира, находится кладовка. Быстро щелкнуло, и Ирина обернулась как раз в тот момент, когда дверь захлопнулась. На гвозде, вбитом в косяк, покачивался расстегнутый большой замок с воткнутым в него ключом с веревочкой. Пискнул выключатель. Под дверью блеснула узкая полозка света.

«Вот и с коллегой познакомилась!», -подумала Ирина.

Рюкзак незнакомца открывался сложно хотя бы потому, что был набит под завязку. Сверху были два примятых пакета с недорогим вином. Один полный, другой наполовину опорожненный. Потом, мама родная, пластиковый лоток с котлетами и макаронами, резаный хлеб в целлофане, огурцы-помидоры. На дне блестели консервы. И еще был один грейпфрут. И скрученные узлами несколько пар носков.

Молодая актриса столичного театра сделала себе «сэндвич», положив котлетку между двумя кусками черного хлеба, открыла вино и, стоя у распахнутого окна, рассматривала какую-то дохленькую речушку и большое некрасивое современное здание за ней.

Открылась дверь. Зашаркало. И, войдя на кухню, остановилось.

– Это кошка?! – удивленно спросил «силуэт», которого теперь не было видно.

Кошка-кот, вначале не замеченная, остервенело пожирала котлету, как будто встречалась с котлетами первый раз в жизни. Но, очевидно, так оно и было.

Боже, он что, кошек никогда не видел и не может отличить кошку от гиппопотама?!

– Нет, это метафизика! – нагло ответила Ира, делая большой глоток вина из пакета.

– А... А я Анри!...В миру Генрих!

Ира поперхнулась.

И обернулась.

Перед ней собственной персоной стоял Генрих. Он успел переодеться и был в тренировочных штанах, майке «Рамонес» и старых кожаных больших тапочках.

Такой же рыжий, как и худрук. «Наверное, у них дресс-код такой, -усмехнулась про себя Ира.– Хотя нет. Не такой же... У худрука волосы крашенные, ядовитые, искусственного оттенка, а у этого естественные, медно-мягкие. Приятные... Ишь, какими завиточками падают на плечи!»

– А я Ирэн! – дожевывая «сэндвич», с набитым ртом сказала Ира и протянула руку.– Под Джоуи косишь? – кивнула глазами на майку.– Похож! Такой же худой!

– Да... спасибо... мне говорили... – пробормотал Генрих-«силуэт», покраснел и отвел глаза.– Надо было нижнюю створочку открыть. Для поддува. А потом закрыть!

– Да я знаю! Только забыла! – Ира не знала и поэтому ничего не могла забыть. Она вообще не поняла, о чем речь. Ей было не до этого. Она смутилась. Вино чужое пьет, чревоугодничает чужой пищей, кошку-кота принесла... И этот еще бормочет что-то...

– Знаете что, а давайте вино пить! – как-то честно, по-детски сказала Ира.

– Давайте! – улыбнулся и оживился Генрих.– Если что, я еще сбегая...

Быстро раздвинули старый столик, сделав его в два раза больше. Ира, показав себя хозяйкой, накрыла его неизвестно откуда появившейся скатеркой, разогрела макароны с котлетами на плите, порезала в салат огурцы- помидоры, разлила по вымытым чайным чашкам вино.

Выпили... И молчали...

Нельзя было ни в коем случае сказать, что разговор, так сказать, не клеился, нет! Оба безумно хотели говорить друг с другом, но... но... в общем, но... Как двум водоемам мешает слиться небольшая, но крепенькая плотина.

Анри время от времени чуть взбрасывал голову, словно что-то вспомнив, хотел поделиться с Ирой. Затем, уже открыв рот и встретившись взглядом с Ирой, которая тоже чуть напрягалась, и имела такой вид, будто Анри сейчас произнесет какое-то откровение, которого она долго и мучительно ждала, но ее сосед застывал в тот момент, когда, казалось, с его губ слетит фраза... Затем медленно закрывал рот и стыдливо опускал глаза в пол, будто он совершил нечто несусветное, недозволенное и неприличное, и теперь раскаивается в этом.

Так продолжалось несколько раз.

Тут Ирина, подражая Анри, тоже вскинула голову, и Анри, как и Ирина, встрепенулся, приготовившись с радостью ее слушать. Но Ирина подняла голову к потолку и внезапно громко по-волчьи завывала.

– Что с вами!? – словно укушенный вскочил Анри.

Волчий вой Иры перешел в радостный хохот.

– Ой, не могу! Ой не могу! – Ира смеялась, обхватив руками голову с распущенными волосами. – Да ничего, смешно просто!

– Давно не слышал женский вой, – от зажима Генрих хотел что-то сказать и сказал первое, что ему пришло в голову.

Анри Ире нравился все больше и больше.

– Знаете что, Генрих!, – Ира резко переменяла тон, и заговорила наивной школьницей-заговорщицей. – А давайте... напьемся?

– Как это... напьемся?

– Что, как это напьемся? Генрих, вы что, никогда не напивались? Нас держит что-то, не понятно что. Давай те растопим этот барьер алкоголем?

– Давайте... Если что, я еще сбегаю.

Предложение немного расслабило Анри.

Выпили «за присутствующих здесь дам», то есть, за Иру и кошку. Затем за Анри. Потом пришел черед за театр имени Мочалова. И за знакомство. И за архитектуру в виде общежития, что их познакомила.

Иринино предложение было правильным. Барьер потихоньку начал разрушаться.

– Ирина, вы не удивляйтесь, если свет выключат. У нас бывает...

– И как же без света?!

– Свечами пользуемся. Парафин нынче недорог. У меня даже подсвечник есть.

– Анри! Вы преступник, если умолчали об этом! – Ира искренне возмутилась. – Долой эти нелепые фантазии Эдисона! Тащите свечи! И непременно в подсвечнике!

Свет был выключен. Горели свечи в подсвечниках. Молодая женщина и молодой мужчина пили вино и обращались друг к другу на ВЫ, хотя несколько раз договаривались перейти на ТЫ. Так, наверное, было и в 19 веке, который застал этот флигель. Духи прошлого, (если конечно, они были, и наблюдали за этой парой) млели. Их даже не смущали чашки с изображением Микки Мауса и логотипом «Ас/Дс».

Выпили опять за театр.

И еще раз за кошку.

И еще раз за театр.

Когда, спохватившись, пол-одинадцатого пошли вместе в магазин за алкоголем, на улице какой-то пьяный развязно пошутил что-то насчет Анри. Анри смолчал. Не смолчала Ира, которая выдала тираду типа «судить того подонка, что выпустил тебя из дурдома». Только с матом. Анри даже пришлось сдерживать пыл Ирины, обхватив ее крепко за талию, пока испу-

ганный пьяный не испарился. Затем долго выслушивал Ирину нотацию, что надо не спускать подобное хамство и отвечать на обиду.

Придя в общежитие, долго курили на крыльце. Затем продолжили застолье при свечах и слушали музыку из смартфона Генриха. Ира подняла тост за то, что когда в смартфоне соседствуют «Нирвана» и Бах, это прекрасно. Затем помянули Кобейна. Следующим помянули Баха...

Ирина внезапно замолчала... Генрих заворуженно смотрел на нее через пламя свечи. «Какая замечательная соседка»... «Какая изумительная собутыльница»... «Какая прекрасная девушка»... Алкогольные облака-мысли проносились в голове Генриха.

– Анри, дорогой, давайте помянем моего Учителя! – Ирина налила чашки по полной.

Потом помянули отца Генриха. Затем отца Иры, про которого она ничего не знала. Ире стало грустно...

– Давайте съедим грейпфрут один на двоих?! – улыбнулась устало Ира.

Грейпфрут был очищен, разломлен и съеден.

Ира чмокнула Генриха в щеку и, чуть покачиваясь, пошла к себе в комнату.

Генрих допил все вино. Посидел немного, слушая время от времени потрескивание свечки. Затем встал, вставил в уши наушники и, закрыв глаза и размахивая руками, стал кружиться по кухне. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее... Быстрее и быстрее... Быстрее и быстрее... Подхватил спящую кошку и стал кружиться вместе с ней. Кошка мяукала, но не сопротивлялась...

Тени прошлого с умилением смотрели с потолка.

Свечка догорала.

На следующий день Ира проснулась оттого, что по коридору кто-то негромко ходил. Органично, аккуратно и нервно. Возле комнаты Иры шаги прекращались. Кто-то стоял под дверью, чего-то ожидая. Было слышно даже взволнованное прерывающееся дыхание. Затем шаги снова удалялись.

– Кто там? – нарочито громко закричала Ира, когда в пятый или в шестой раз шаги остановились возле ее комнаты.

Дверь открылась. На пороге стоял бледный Анри с испуганными вытаращенными глазами, который тяжело и быстро дышал, будто убегал от кого-то. Или, наоборот, кого-то догонял. Он сделал шаг вперед, набрал в легкие воздуха, будто хотел сказать что-то, но не смог и выдохнул весь воздух обратно.

– Генрих, что случилось? – Ира откинула одеяло и, как была, в футболке и трусах, соскочила на пол.

Анри вжался в дверной косяк.

– Что случилось? Почему молчишь?

– Хрмм... Хввв... – Генрих издавал странные звуки, бегая глазами по комнате, то ли боясь смотреть на Иру, то ли вспоминая, что он хотел сказать.

– Боже! Генрих! Ты обезумел?!

Генрих собрался, снова набрал в грудь воздуха и запричитал:

– Жираф... Жираф пропал...!

– Какой жираф?!

– Из московского зоопарка! Ирка, ты понимаешь, какая это потеря?!

Ира хотела сказать, что буквально вчера она была в зоопарке до встречи с Анри, но тот перебил ее на полуслове.

– Жираф.. Лучший жираф Москвы! Лучший жираф России! Лучший жираф вселенной! Что же теперь будет со всеми нами?!

– И что же делать, Анрюшечка?!

– Что делать-что делать? Искать его, вот что делать. Одевайся, каждая секунда дорога.

На поиски жирафа Ирина вышла буквально через несколько минут. В белом платье в синий крупный горох «а-ля 60-ые», босоножках и с небольшим макияжем.

– Куда пойдём? – потупив чуть подведенные глаза, спросила Ирина.

Анри долго смотрел на нее. Затем склонил голову набок, очевидно, любясь на нее под другим углом.

– На кладбище! – медленно произнес он.

На могиле Люсьена Оливье жирафа не было. Возле могилы доктора Гааза, как ни странно, тоже. Даже возле могилы любимой балерины Сталина жирафа тоже не было. Более того, даже возле фамильного склепа Эрлангеров жирафа не наблюдалось... Хотя где еще быть жирафу, как ни у фамильного склепа Эрлангеров?!

Анри повел Иру к «Острову мертвых», резонно решив, что жираф отошел от склепа полюбоваться отреставрированным надгробием с прекрасной мозаикой на сюжет известной картины Бёклина. Но там жирафом даже не пахло...

– Может, он за надгробием спрятался? – предложила Ирина.

Анри долго искал за надгробием. Через некоторое время вылез.

– Его здесь нет.

– Что-же делать? – Ирина от отчаяния заломила трагически руки. – Извините, вы случайно не видали здесь жирафа? – истерически спросила она у проходящего мимо работника кладбища, азиата с родимым пятном на шее и метлой.

Азиат посмотрел с ужасом на Иру, расширив свои раскосые глаза, и куда-то быстро поспешил.

Ирина закрыла лицо ладонями.

– Все пропало... Жираф ушел и больше не вернется. И с чего ты взял, что он спрятался на кладбище?

– А где-же жирафу быть, как ни на кладбище? – Анри взял Иру под локоть. – Ведь здесь так хорошо учить роли...

Поиски продолжались.

– Язуа! – представил Анри Ире тот ручей, что виднелся из окна общаги. – Потрясающая, волшебная речка, не замерзающая и при минус 22 по Цельсию.

– Пиздец какой-то... – вздохнула Ира.

Возле Язуы жирафа не было.

Пошли дальше, в сторону центра, поминутно спрашивая у прохожих, не видели ли они жирафа. Прохожие в лучшем случае улыбались, но чаще, переспросив, махали на них рукой, и шли дальше по своим делам. Москвичей было не удивить такими вопросами. Они привыкли к сумасшедшим.

– Господи, какое равнодушие! – возмутилась Ира на пол-улицы.

Узнав, что в Елоховском соборе крестили Пушкина, Ира сказала, что Пушкин тоже в чем-то частично жираф, так как корнями из Африки.

Анри согласился.

Стало нервозно. Жирафа нигде не было...

Не было жирафа и возле Садового

На Покровке стал бить озноб. Ирина сжала сильно-сильно руку Генриха и шла бледная, что-то нашептывая под нос. Анри был не в лучшем состоянии, но держался. Их стали мучить страшные фантазии на тему предполагаемой судьбы жирафа. Они делились ими друг с другом и ужасались. Им казалось, что жирафа вывезли в Сибирь и пашут на нем целину. Что жирафа похитили поклонники Сальвадора Дали, облили его бензином и подожгли. Также казалось, что...

«Хватит!», -застонала Ира, не в силах выслушивать еще одну версию...

Время от времени им казалось, что где-то в глубинах переулков «элегантнейший бродит жираф», и они с криками бежали туда... Но то, что казалось им жирафом, оказывалось деревом, красочной вывеской, бадминтонной ракеткой, забытой на тротуаре, а то и вообще каким-нибудь банальным фольксвагеном...

Поиски отняли много сил. На Китай-городе они подкрепились чебуреками в чебуречной. Анри предположил, что чебуреки, не исключено, могут быть из жирафа. Ира унижающе посмотрела на Анри и сказала, чтоб он больше так не шутил. Затем попросила заказать еще парочку.

На Лубянке жирафа тоже не оказалось. Зато там был Маяковский.

Человек лет сорока пяти, в пиджаке, отдаленно напоминающий поэта революции, плохо декламировал хрестоматийные, надоевшие всем стихи про то, что «я достаю из широких штанин», и предлагал сфотографироваться с ним за сто рублей, или хотя бы за полтинник. Ира и Анри не могли пройти мимо.

– Владимир! – протянул руку «Маяковский».

– Лиля! – представилась Ира.

– Осип! – назвал себя Анри.– Ну что, будем жить вместе?

– Я не против, – вяло согласился поэт, – только у меня жена совсем охуела. Если меньше трех тыщ приношу за день, пить запрещает. Где, говорит, сволочь, твои принципы? А мне похуй... У меня, как у Агутагавы, нет никаких принципов, а есть только нервы. Дайте сто рублей и фотографируйте сколько угодно. Или хотя бы пива купите!

Зашли в кафе. Купили три кружки пива. Одну дали «Маяковскому».

– Вы жирафа не видели? – с надеждой спросила Ира.

– Кого я только, блядь, не видел! -сказал поэт, рыгнул и поставил пустую кружку на стол.

Поиски продолжались.

Возле фонтана напротив Большого театра у Иры от нервов и расстройств заболела нога. Генрих, как настоящий рыцарь, нес Иру на руках до Красной площади, где нога, слава Богу, прошла.

Но и на Красной площади их поджидало разочарование... Они несколько раз обошли собор Василия Блаженного, зашли в ГУМ... Нигде жирафа не было... Но была еще надежда на Мавзолей.

Отстояв большую очередь, Анри и Ира торжественно вошли в полутемное помещение...

– Отвечай, сукин сын, где жираф? – грозно спросила Ира у лежащего за стеклом тела.

Ответа они, увы, так и не получили...

На Тверской Ирина сказала, что силы покидают ее, и предложила ехать в зоопарк, чтобы получить «более четкие инструкции и координаты». Что за инструкции и координаты, Анри понятия не имел, но поймал такси.

В зоопарке Ира первым делом повела Анри на «место преступления», сказав, что беглец или воры оставили следы и улики, за которых можно зацепиться.

Анри был в зоопарке первый раз, отвлекался то на какого-то моржа, то на тигра-альбиноса, то на птицу-секретаря и удивлялся, откуда так хорошо Ира знает топографию данного живописного места.

Не доходя до вольеры с жирафом, Ира закричала от радости. В вольере, что-то жуя и улыбаясь, стоял жираф!

Сил на проявление эмоций уже не было... Анри и Ира медленно сели на тротуар и заплакали... К ним подходили, спрашивали, не помочь ли чем, они поднимали головы с радостными заплаканными лицами, улыбались и снова плакали. Люди, словно разделяя их радость, что жираф вернулся, тоже улыбались и отходили...

Затем Анри и Ира долго молча ходили, взявшись за руки, по зоопарку, проверяя, все ли животные на месте.

Все животные, вроде, были на своих местах...

Вдоволь накатавшись на троллейбусах, уже на закате приехали на Электрозаводскую. Ира, зардевшись, протянула Анри подарок – украденный в общественном транспорте молоток для разбивания окон в экстренных ситуациях. Анри был польщен. Польщен и, как-ни странно, в чем-то обижен. Обижен на то, что не он до этого додумался...

До общаги пошли пешком. Ира сняла босоножки, с наслаждением наступая и ощущая неостывший, теплый асфальт босыми ногами. Во дворе большого сталинского дома маленькие девочки, чуть перепрыгивая из квадратика в квадратик, играли в классики круглой коробочкой из-под леденцов. Взвизгнув, Ира тут же присоединилась к ним, уставше и тяжеловато скача от цифры к цифре. Анри стоял в стороне и как-то бесстрастно глядел на эту картину. Поиски жирафа изрядно поели финансы. Денег было очень мало. На вино хватит. Не более. Оставалась какая-то еда в общаге. Консервы... Ох, консервы...

Какая-то женщина крикнула кому-то с балкона. Почти ту-же с футбольной площадки-коробки откликнулся нетерпеливый мальчишеский голос. Они стали перекрикиваться-переругиваться в застывшем безветренном густом воздухе последних августовских дней, где уже ощущалась предучебная суета, широко открытые от ожидания непонятно чего глаза первоклашек, цветы, хохот старшекласников, стайки студентов на бульварах.

Сзади кто-то открыл окно, и через мгновение запахло чем-то невероятно вкусным. Анри под смех Иры и девочек медленно повернул голову.

На подоконнике первого этажа сталинского дома, находившегося чуть ниже второго этажа обычных панельных домов, стояла большая тарелка, с горкой наполненная кусками дымящейся золотистой жареной рыбы, с до дури волнующим и потрясающим запахом.

Под окном стояла деревянная стремянка. Очевидно, маляры работали в подъездах и оставляли ее на ночь на улице. Ну, кому нужна заляпанная краской деревянная большая стремянка?

Как говорится, в жизни всегда есть место подвигу. Обычно, это минуты спонтанные, когда человек, окутанный порывом чего-то великого, совершает совершенно невероятные поступки. Например, бросится в огонь, и вынесет оттуда на руках плачущего ребенка. Возьмет домой поломавшего ногу щенка. Или хотя бы, найдя дорогой смартфон, не выбросит сим-карту, присвоив смартфон себе, а благородно дождется звонка хозяина, возьмет трубку и гордо спросит, где удобно встретится, чтобы отдать гаджет...

Именно такая минута наступила в жизни Анри. Не раздумывая, он белкой вскочил на стремянку. От его энергии полуоткрытое окно, шурша тонкой занавеской, открылось внутрь полностью.

Генрих почемуто не подумал, что внутри жилища могут быть люди.

А они, тем не менее, там были.

Первым делом Анри увидел стену над маленьким кухонным столом, почти до потолка завешенную сувенирными расписными разделочными досками. Гжель, хохлома, палех, неизвестные Генриху техники. На одной из досок Анри успел заметить Волка в шлеме на мотоцикле из мультфильма «Ну, погоди!», а на другой-черно-белого Марлона Брандо из фильма «Крестный отец».

В углу кухни, жаркой от комфорки и электрического света, над раковиной склонилась пожилая женщина со сковородой, в которую била вода из-под крана, и с кудрявым от пены ершиком в руках. Над ней желтел запотевший изнутри от пара прямоугольник окна в ванную комнату. Дверь в ванную в коридоре была открыта, из нее раздавалось тархтение стиральной машины. Спиной к коридору, близоруко щуря большие глаза, в косметической маске, делав-

шую ее похожую на мумию, стояла невероятно худая и вытянутая, словно готическая башня, девушка с остроконечно завязанным полотенцем на голове, делавшую её еще выше. В разрезе между двумя маленькими грудями, спрятавшимися за фалдами халатика, стекали капельки испарины.

Надо было что-то делать. Анри смутился. Но представленное на мгновение поражение, что он предстанет перед Ирой с пустыми руками после того, как он уже прыгнул за добычей, придало ему сил, вдохновения и воздуха.

– Погода превосходная... -медленно, с чувством сказал Генрих, поднял голову к желтоватому потолку и горько-горько продолжил. – Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон...

Пожилая мама выпрямилась, став ненамного ниже дочери, и с удивлением посмотрела на Анри, а затем широко по-доброму, улыбнулась.

«Надо лиять отсюда!», -с ужасом подумал Анри, и вцепился руками в тарелку с рыбой.

– Мадемуазель, – возопил он худосочной дочке, – позвольте голодному россиянину копеек тридцать...

Девушка вскрикнула. Анри схватил тарелку с рыбой, спрыгнул со стремянки, кивнул головой Ирине на тарелку с рыбой и побежал.

Ирина все поняла. И тоже побежала.

Никто не высовывался из окна, крича:» Караул! Ужин украли!», никто не поднимал шума, поэтому догонять их никто не стал.

Да и почти некому было догонять. Девочки, игравшие в «классики», сначала с интересом смотрели им вслед, затем уже через минуту, позевывая, говорили о чем-то своем. Через некоторое время позвали домой и их.

Уставший двор быстро опустел. Небо становилось фиолетовым.

Ира смотрела на Генриха, сидевшего напротив, обхвативши голову руками, и не знала, что сказать.

– Как это трогательно! – хотела пошутить она, – Благороднейший Рыцарь Анри изымает у населения последнюю пищу, чтобы Прекрасная дама утолила свой голод.

Но не стала так шутить. Конец этого прекрасного дня выбил этого человека, к которому Ира успела за сутки так сильно привязаться, из самого прекрасного дня.

– Это я виновата со своим молотком... Подала тебе пример...

Анри вздохнул. Не исключено, что это на самом деле было так.

Ира тоже вздохнула. И принялась есть дальше. Она была похожа на лисичку из русских сказок. Элегантно отламывала рыбе голову и протягивала ее кошке, которая тут же принималась хрустеть ею. Так же элегантно вынимала хребет и бросала его в мусорное ведро, будто в древнекитайскую вазу. Затем поднимала рыбку за хвостик и на весу нежно откусывала половинку. После чего безмянным и мизинцем, не запачканных жиром, изящно брала за ручку чашку с белым вином, неспешно делала глоток и ставила чашку обратно.

Темнело быстрее, чем месяц назад. Зябко немного... Чувствовалось дыхание осени.

– Ты не думал, как кошку назовем? – насытившись, и вытирая руки влажной салфеткой, спросила Ира.

– Может, вернуться?... И извиниться?...

– Да уж... Скажи, что окном ошибся...

– Ох, Ирэн... Хотел я побыть героем, а всего-навсего спиздил у двух женщин жареную рыбу...

Ира подошла, села к Анри на колени и поцеловала в шею.

– Анрюшечка, я выдру хочу! – глядя Генриха по щеке, проворковала Ира.

– Кого???

– Выдру... Выдрочку... Выдру хочу! Выдру!

Когда усиливавшийся ветер распахнул громко створки и загнул в помещение ветку дерева, Анри проснулся и сильно испугался. Ему показалось, что это жираф с повязанной вместо шарфика выдрой на шее пришел к нему, и просунул в окно голову. Или две женщины выследили его и пришли за своей рыбой...

А главное, откуда окно?

Потом Анри вспомнил. Аккуратно, скрипя старой рабицей, Анри встал и, дыша свежим воздухом, смотрел на ночной город. Неслышно текла Яуза. Произведением художника-кубиста белело в темноте огромное здание крупного московского института. Светофор без конца мигал желтым светом. Анри закрыл глаза, и негромко красиво завыл. Ира неслышно подошла сзади, обняла его за талию, прижавшись своим обнаженным телом к его обнаженному телу, и мелодично завывала в унисон.

Они были долго и счастливо. Минут пять.

Когда утром после душа Ира, смеясь, сказала, что позавчера перед знакомством была в зоопарке и жираф лизнул ей руку, Анри говорил что-то про иррациональное чтение мыслей и образов, но, похоже, не поверил.

Денег почти не было, поэтому поехали в Жаворонки к генриховской маме. По дороге пришла смс-ка, где говорилось, что сбор трупы переносится на 12 дней. Алину Петровну задерживали дела в Греции, где у нее был домишко у моря. Что за дела-не сказали, конечно. Может, ремонт, может, сбор урожая фруктов каких-нибудь греческих. Много, в общем, дел у этих худруков...

6.

Вокруг цвели розы и душистый горошек. Не обращая никакого внимания на сентябрь, стояла середина июня. Пели кенары и иные прекрасные птицы. Царил Ботичелли. Воздух вокруг наполнился розовато-оранжевой дымкой и чуть гудел, как улей. И когда Анри шел, он понимал, что не просто проходит через пространство, а трется о крылья густо наполнявших воздух невидимых херувимов. Воздушными радостными брызгами звучала неслышная музыка, и Ира с Анри пленялись ее звуками и купались в ней.

Хотя Анри был уже не Анри...

Ира самолично выкинула букву «Н» из его уменьшительного имени, и Анри превратился в Ари. «Ира» наоборот.

В общем, они кипели и бурлили любовью. И Ира была счастлива, что приехала за неделю до сбора трупы, который перенесли на более поздний срок, а Анри, пардон, Ари, что имел моду время от времени навещать общежитие.

Ари, вспомнив вспомнив давние увлечения живописью и рисунком, нарисовал графический портрет Иры на стене кухни. Обнаженной Иры. Ира тут же назвала себя музой Ари и заставляла себя рисовать всегда и везде. Как в одежде, так и без одежды. (Страсть к рисованию появилась у Анри еще с детства, когда он искал неизвестный в природе цвет. Бросив его искать, он потихоньку потянулся к графике. На несколько лет затихнув, страсть эта стала прорасти с новой силой).

И еще они любили внезапно прилюдно выть, пугая граждан, радуясь их реакции.

И еще они покрасили кошку в зеленый цвет.

И еще они придумали даже свой собственный язык...

Основные глаголы у них обозначались городами мира.

Лежать было Рига,

Ходить- Москва,

Видеть-Шанхай,
Бегать- Цинцинатти,
Хотеть-Ливерпуль,
Любить-Буйнос-Айрес,
Радоваться-Аддис-Абеба,
Спать- Лиссабон,

Спать в интимном смысле гордо называлось в честь малой родины Анри Жаворонками, и так далее.

Предлоги обозначались звуками-голосами домашних животных и птиц.

На-му-у-у-у,
В-иго-го,
У- бе-е-е-е,
За-мяу-у-у,
От- га-а-ав,
И т. д.
И т. п.

Существительные были имена и фамилии музыкантов, артистов, известных людей, литературных персонажей.

Улица- Кеннеди,
Магазин- Бержерак,
Колбаса- Мерилин,
Сыр-Синатра,

Алкоголь- Эдип (водка- Медея, пиво- Кастор и Поллукс, коньяк-Агамемнон, вино- Софокл и т.д.)

Друг-Пушкин,
Подруга-Ахматова,
Приятель-Жуковский,
Общежитие- Форд,
Стол- Маккартни,
Стул-Леннон,
Лестница- Беккет,
Туалет- Гамлет,
Репетиция-Бакунин,
Театр-Андропов,
и дальше, и дальше.

Прилагательные остались прилагательными, только зеркально менялись значениями.

Вкусный обозначало что-то невкусное, и наоборот.

Прекрасное- отвратительное, и наоборот.

Светлый-обозначал темный, а темное являлось светлым.

Белое являлось черным, а черное, соответственно, белым. Остальные цвета они сначала решили определять словами поговорки:

Каждый-красный,
Охотник- оранжевый,
Желает-желтый,
Знать-зеленый,
Где-голубой,
Спрятался-синий,
Фазан-фиолетовый.

Но потом решили, что это черезчур банально и скучно, и через некоторое время пришли к простому и ясному способу, взяв за основу начало монолога Эрота из «Плоскость 2. Боги» Велимира Хлебникова:

Мара-красный,
Рома-оранжевый,
Биба-желтый,
Буль-зеленый,
Укс-голубой,
Кукс-синий,
Эль-фиолетовый.

И вздохнули спокойно. Хоть звучит по человечески, не то что какие-то фазаны.

В общем, их словарь зарождался быстро и мощно. И всегда находился в разработке, ежедневно совершая семимильные шаги. Они пока не знали, что делать с таблицей Менделеева и техническими терминами, но, так как почти ими не пользовались, быстро забили на это.

Также особой частью речи, и довольно распространенной, являлся вой. Он, в зависимости от интонации, выражал собой радость, злобу, восхищение, половое влечение, признание в любви, обиду, а также что-то типа «идите в жопу» и т. д. и т. п.

Но самой священной и сакральной фразой являлось словосочетание «Выдру хочу!». Произносилось оно исключительно Ириной, относилось, естественно, Ари и обозначало только одно: " Ари! Догадайся сам, блядь, чего я желаю! Догадайся на метафизическом уровне, на любом уровне, ведь ты обязан знать, чего я желаю! Не спорь, обязан! Догадайся! ».

Фраза произносилась, исходя от настроения Иры.

Она могла быть провизжена с надрывом в переполненном вагоне метро, когда пассажиры от внезапности, пытаясь инстинктивно отскочить, создавали еще большую давку и возмущенно требовали вызова милиции или скорой помощи. Она могла всплыть в ушную раковину Анри густым и горячим, словно шоколад, шепотом. Она могла быть произнесена впроброс, по-бытовому, как бы невзначай.

Бывало, после очередного «Выдру хочу!» Ари поднимал Иру на руки и нес в комнату, и после всего Ира лишь устало с сожалением твердила, покусывая Ари за подбородок: «А ничего-то ты не понял, Аришечка, ничего так и не понял!». А бывало, он куда-то исчезал после этой фразы на час, на два, на три... Затем приходил усталый и раскрывал перед Ирой кулак, в котором был зажат спичечный коробок, маленький клубочек шерстяных ниток или старый ржавый гвоздь. И Ира расцветала, с умилением и благоговением, словно реликвию, принимала эти безделицы и радостно шептала, прижимая их к груди: «Да! Да! Да!», словно об этом и только об этом, она мечтала всю свою жизнь.

Словом, гром гремел, и был этот гром поэтичен и музыкален..

«Может, нам не туда?», – испугано спросила Люда мужа после того, как они остановились у старинного особняка.

Люся и Леша всю жизнь жили в типовых пятиэтажках на окраине одного уральского городка, славившегося своей тяжелой промышленностью и еще больше тяжелой атмосферой и экологией. Когда родились, жили в типовых пятиэтажках на окраине, когда выросли, жили в типовых пятиэтажках на окраине, когда после театралки поженились, работали в местном театре, тоже снимали комнаты и квартиры в подобных домах. Поэтому жить в подобном особняке, пусть и в общежитии, казалось им такой же дикостью и нелепостью, как жить, допустим, в собачьей будке, краеведческом музее или в холодильнике. Сюрреализм.

Впрочем, многие так думали...

Леша зашел в маленькие воротца перед входом и посмотрел на номер дома, скрываемый с улицы липой.

Повернулся, пожал плечами и кивнул Люде головой.

Всё правильно.

Скрипнув старинной ободранной дверью с современными ручками, зашли внутрь. Странно контрастировал со зданием белеющий журчащий толчок-унитаз за распахнутой дверью. А вот душевая без ванны с покатым к сливу полом...

Еще две двери. С единицей и двойкой. Может, постучать? Нет, не стоит...

Леша задумчиво сжимал в кармане длинный ключ с бородкой и с брелоком в виде пробки из-под шампанского с выжженной цифрой 3, который ему некоторое время назад вручили в отделе кадров.

Наверх!

Маленькая лестница со стоптанными ступенями и гнутой, некогда изящной железной лестницей.

Начиная со второго пролетца, на стенах стали появляться рисунки.

Леша и Люда отнюдь не были поклонниками современного искусства рисунков на стенах, когда в их типовых пятиэтажках, в которых они жили, появлялись стилизованно написанные названия групп, матерные слова и прочие художества, они по инерции вздыхали, качали головами и проговаривали что-то типа, ох, опять испачкали стену.

Но эти рисунки не вызывали отвращения и негодования. Напротив, они притягивали. Мягкая красивая линия. Что-то от Модильяни и тут же что-то детское. Чуть примитивное даже. Очень лаконично и искренне. Чувствовалось, что рисовал талантливый человек.

На всех рисунках была изображена одна и та же девушка. Вот уверенной рукой углем на желтоватой старой побелке выведен ее профиль со смеющимися губами и зачесанными волосами. Вот она же, стоящая возле открытого окна спиной. Лица не видно, но точно видно, что это она. И она же полностью раздетая, хохочущая, прикрывающая одной рукой лоно, а другой- одну из небольших грудей. На последний рисунок, в отличии от двух первых, что были в данный час в тени, падал свет из маленького окошечка, и казалось, что эта купальщица, облитая солнцем, застигнутая и зарисованная быстро в несколько штрихов, рада быть застигнутой и прикрывается скорее машинально, чем от стыда. Но при этом не было в рисунке ничего пошлого. Была радость и даже какое-то прямо детское целомудрие.

Леша и Люда некоторое время молча стояли, рассматривая эти «граффити».

– Красиво! – сказал Леша.

Люда молча кивнула, соглашаясь с мужем.

Внезапно на втором этаже, до которого они почти дошли, в конце коридора кто-то громко закричал.

– Ираааа!!! Цинцинатти иго-гоооо Бержерак?!, – завопил, и по-лошадиному заржал какой-то ненормальный.

– Цинцинатти, Ариииии!!! Иго-гоооо Цинциннааати!!!, – радостно вторил ему голос с нежным женским ржаньем.

Это переводилось с языка Иры и Ари как:

– Ира, бежим в магазин?

– Бежим, Ари! В магазин!

(Ответ на восторженный вопрос дан в восторженной форме).

Но Леша и Люда этого не понимали. Они стояли на последней ступени перед коридором, и испуганно смотрели друг на друга.

– Может быть, пойдем отсюда? -зашептала Люда.– Потом придем?

Но Леша, очевидно, подумав, что не прилично как-то ему, уральскому мужчине, бояться разной столичной актерской эксцентрики и безумия, двинулся дальше, приподняв чемодан, чтобы не скрипели колесики. Люда выглядывала из-за плеч.

Маленький коридорчик за круглым сводом-аркой был пуст. В последнем номере кто-то смеялся и опять громко говорил на какой-то тарбарщине.

И вот первая дверь направо – их третий номер! Аккуратно, как человек, скорее, не боявшийся, а стеснявшийся неизвестности, на всякий случай, чтобы не выдать себя шумом, Леша поставил чемодан, вытащил ключ и аккуратно вставил его в скважину. Замок харкнул, хрипнул, хрюкнул, но не поддавался.

Внезапно из противоположной от смеющейся комнаты помещения без двери, очевидно, кухни, вышла зеленая кошка и, не останавливаясь, пошла к Леше и Люде, с интересом рассматривая их, медленно переступая зелеными лапками по истертым доскам, когда-то называвшимися паркетом.

Люда сжала Леше локоть. Леша отчего-то занервничал, приподнял дверь, нервно сделал два поворота ключа, толкнул старые доски плечом, впахнул в открытый проем жену, затащил за собой чемодан и захлопнул дверь прямо перед любопытным носом подошедшей кошки.

– Ты хотел в Москве работать, вот работай тут. Приехали... – Люда в безопасности моментально стала раздражительной, и тяжело дышала.

Леша улыбался.

В коридоре послышался шум.

– Похоже, это к нам! – еще больше улыбнулся Леша.

И это было действительно к ним. В дверь аккуратно постучали.

После приглашения в комнату молча и медленно вошли рыжеватый молодой человек в джинсах и в балахоне с болтающимся за спиной капюшоне и девушка с каким-то знакомым лицом в шортах и майке. На руках ее возлежала зеленая кошка, вальяжно мотая туда-сюда рыжеватым хвостом. (Хвост, после долгих споров, Ира и Ари решили оставить такой, как есть).

Вошли в тишине и одновременно плюхнулись на пружины кровати с металлическими шарами, чуть покачавшись на них.

Люда сидела напротив них на стуле, уперев в колени руки, недоверчиво и хмуро глядя на этих эксцентричных столичных комиков. Леша, улыбаясь, расслабленно стоял рядом, приобняв одной рукой жену за плечи, а кисть другой элегантно свесив с поднятой вверх ручки чемодана.

Стояла тишина. Молодые пары молча разглядывали друг друга. Зеленая кошка спрыгнула и подошла к ноге Люды. Люда отодвинула ногу. Ари хотел спросить: «Как вас зовут?», но так как этих слов они еще не придумали, а переходить сразу на русский не хотелось, то понеслась более-менее вдохновенная импровизация.

– Сибина клод ума сазан? – выговаривая каждое слово, громко и торжественно произнес он.

Ира положила ладонь поверх ладони Ари.

– Амана я сайра? – также торжественно спросила Ира.

Люда подалась корпусом назад и посмотрела на мужа.

Леша улыбался все больше и больше. Вся эта игра ему нравилась, он чувствовал удовольствие и азарт. «Прям как на приеме у эльфийских царей!», – радостно подумал он и, то ли подсознательно поняв вопрос, а скорее просто чтобы представиться, сделал маленький шаг вперед.

– Мы-Шалимовы! – чуть поклонившись, сказал дипломатично Леша. – Я Алексей, а это Людмила. Моя супруга с очень тяжелым характером.

– Из каких стран вы прибыли сюда, Алексей и Людмила?! Что вас подвигло? Голод? Мор? Тяжелая судьбина?... Какой-нибудь владыка-мудозвон вас выгнал в наши палестины? – внезапно снизошла до человеческого обращения девушка, переходя из прозы в рифмованную форму.

Алексей напрягся, сглотнул слюну и родил строфу.

– Вскормил нас Батюшка- Урал, седая борода,

Театр там есть, где я служил актером,

И вот приехал я сюда...
(хм... меммм... приехал я сюда... ну это...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.